

дефект переплёта
и
дефект оригинала.
КНИЖКА ИМЕЕТ

53
320

ОРЕНБУРГСКІЯ ПИСЬМА

ДЛЯ

ЖЕЛАЮЩИХЪ ОЗНАКОМИТЬСЯ СЪ ОРЕНБУРГОМЪ,
ОБСКОМЪ, ТРОИЦКОМЪ, ФОРТОМЪ АЛЕКСАНДРОВСКИМЪ И
ДОРОГОЮ ЧРЕЗЪ КИРГИЗСКУЮ СТЕПЬ ДО ФОРТА № 1.

М. МИХАЙЛОВА.

Цѣна 80 коп.

— * —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

Дозволено Цензурою. С-Петербургъ, 12 августа 1866 г.

ОРЕНБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Отъездъ изъ Самары. Оренбургскій трактъ и его характеристика. Бузулукъ. Первый буранъ. Замѣтки о Бузулукѣ.

Когда выѣдешь за Самару, на оренбургскій трактъ, кругомъ все тихо и пусто. Ёдешь вѣдь и по Россіи иногда порядочной глушью, да не замѣчаешь этого, или, по крайней мѣрѣ, по привычкѣ, не даешь себѣ труда замѣтить. Тутъ совсѣмъ другое: какъ только за Самару — пустынная окрестность, такъ сказать, и лѣзетъ въ глаза. Посмотришь на право — ни деревни, ни лѣса, иногда ни облачка; обернешься на лѣво — тоже самое. Остается закурить сигару и углубиться въ самосозерцаніе, или, отвергнувъ то и другое, дремать. Въ Самарѣ, гдѣ при клубѣ порядочные номера и хо-

Оренб. письма.

рошія постели, рѣдкій проѣзжающій отказываетъ себѣ въ удовольствіи выспаться и отдохнуть отъ дороги, а потому первую станцію отсюда уже не спится. Вотъ и смотришь внимательно, стараясь, какъ-бы проникнуть эту глушь. Кажется, тоже Россія, а далеко не то, что встрѣтишь до Волги... Проѣзжающихъ также мало. Хоть бы птица своимъ полетомъ оживила одинокій воздухъ. Я проѣзжалъ въ добавокъ осенью, когда и на поляхъ ничего не было. Небо да степь, степь да небо—вотъ и вся картина. Только на горизонтѣ, слѣва, рисуются иногда небольшіе хребты—отроги Общаго Сырта. За то раздолье въ той пустынѣ для *перекати-поле*: прыгаютъ себѣ какъ мячики, перебѣгаютъ чрезъ дорогу и несутся по разнымъ направленіямъ. Странное растеніе это похоже на человѣка, живущаго безъ цѣли и безъ воли: куда ни закинешь судьба—все ладно.

Въ половинѣ станціи глаза мои были уже значительно утомлены окружающимъ однообразіемъ. Вотъ въ какую глушь забрался, подумалъ я, а что же будетъ тамъ, дальше? Но, взглянувъ на широкій трактъ и на частоколъ телеграфныхъ столбовъ, исчезающій въ перспективѣ, я успокоился при мысли, что тамъ, за горами и долами, есть мѣста, которыя, по ихъ значенію, нужно было связать гальваническою проволокою съ общимъ строемъ государства.

— Вотъ и Смышляевка, сказалъ ямщикъ, при видѣ показавшагося села, гдѣ помѣщается станція.

— А что это за церковь?

— Сельская, значитъ—своя.

— Да въ чье имя-то.

— Николы, баринъ. Здѣсь вотъ и дальше поѣдете—въ кажинномъ селѣ такіа церкви. Крестьяне-жъ въ Смышляевкѣ—бывшіе удѣльные, 1.300 душъ, а тамъ вотъ пойдутъ государственные, также прежніе помѣщичьи... Все переселенцы болѣе, прибавилъ ямщикъ.

— Какіе переселенцы, откуда?

— Съ родныхъ мѣстъ, съ сороковаго года, значитъ. Да вотъ далѣ-то сами распросите. Тамбовцы, значитъ, рязанцы есть, воронежцы — всякій народъ. Это въ ту пору сюда выселены изъ Россіи, а прежде въ этихъ селахъ все казаки жили и были крѣпости.

— Что-жъ тутъ развѣ не совсѣмъ спокойно было? спросилъ я, притворяясь, что не знаю исторіи этого края.

— Какъ-же-съ, только давно, очень давно, тутъ киргизы рыскали, вотъ на тотъ предметъ и казаковъ держали...

Взойдя въ станціонный домъ, я засталъ чело-вѣкъ пять проѣзжающихъ... Не было лошадей... Такъ какъ и мнѣ пришлось присоединиться къ общей группѣ, то, скрывъ непріятное чувство отъ

этой обстановки, я спросилъ, однакожь: неужели тоже самое ожидаетъ меня на слѣдующихъ станціяхъ? Но меня тотчасъ успокоили, сказавъ, что далѣе недостатка въ лошадяхъ не будетъ и если это мнѣ встрѣтилось въ Смышляевкѣ, то потому, что тутъ сходятся четыре тракта; слѣдовательно, разгонъ большой.

Это не отговорка, подумалъ я. Большой разгонъ, значить, и лошадей должно быть больше; но, не желая входить въ дальнѣйшіе бесполезные распросы, почему и отчего не держатъ болѣе лошадей, я занялся разсматриваніемъ комнаты и проѣзжающихъ. Мебель на станціяхъ извѣстная: диванъ, столъ, иногда два, зеркало, два-три стула, въ высокомъ стоячемъ футлярѣ часы, да нѣсколько картинокъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ, подлѣ рамокъ съ почтовыми свѣдѣніями. Кому другому, а ужъ мнѣ эта обстановка приглядѣлась, какъ и книга жалобъ, припечатанная къ столу, или подоконнику на простой веревкѣ. Вотъ ужъ что она на веревкѣ—этой цѣли я не понимаю. Если для того, чтобы не увезъ ее кто-либо изъ проѣзжающихъ, то, во первыхъ, зачѣмъ она для посторонняго лица? во вторыхъ, веревка не цѣпь, не уберезетъ ее отъ такого господина, который-бы польстился на книгу; если-же она на веревкѣ для того, чтобы не затерялась, то этимъ плохо рекомендуется порядокъ на станціяхъ и слабо довѣріе къ смотрите-

лю. Какъ хотите, а трудно понять, почему она содержится на веревкѣ.

Проѣзжающихъ, я выше сказалъ, было пятеро: именно—какихъ-то два акцизныхъ чиновника и три татарина. Послѣдніе, пріютившись у стола, пили чай. Одинъ изъ акцизныхъ спросилъ татаръ:

— А вы издалека?

— Изъ Оренбурга въ Касимовъ, отвѣчалъ татаринъ, по дородству и по костюму казавшійся важнѣе своихъ спутниковъ.

— Ахъ, вотъ кстати... Долгое время вы были въ Оренбургѣ?

— Мы тамошніе.

— Скажите, пожалуйста: говорятъ, тамъ въ прошлое лѣто почти не было каравановъ изъ Азіи?

— Малость самая... хорошаго товара, можно сказать, вовсемъ не было...

— А много тамъ бухарцевъ?

— Можетъ быть, съ сотню найдется, считая не однихъ купцовъ, но и прислугу при нихъ.

— Какихъ-же тамъ бухарцевъ, говорятъ, арестовали?

— Да этихъ-же самыхъ... Вѣдь ихъ вскорѣ и выпустили, потому что многіе изъ нихъ болѣе десятка лѣтъ живутъ въ Оренбургѣ. Коммерческій народъ, все капиталисты...

Разговоръ на время прекратился.

— А мы сегодня, этакъ, пожалуй въ Симбирскъ не дойдемъ, началъ одинъ изъ акцизныхъ.

— Пожалуй-что, отвѣчалъ другой. Чтобы на станціяхъ хоть газеты завели. Хорошо вдвоемъ—еще не такъ скучно, а вотъ одному-то дежурить не совсѣмъ пріятно.

— Лошади для васъ готовы, сказалъ мнѣ смотритель.

— Почему-же именно для меня, а не для тѣхъ, кто прежде поѣхалъ?

— Вы по казенной, а они по своимъ надобностямъ.

Я изъ вѣжливости предложилъ, не желаетъ-ли кто воспользоваться моей тройкой. Какъ акцизные, такъ и татары отказались, вѣроятно, изъ вѣжливости-же, которая впрочемъ, въ такой степени, не совсѣмъ уместна на станціяхъ, какъ уже своего рода пожертвованіе. Усѣвшись въ повозку, я помчался далѣе. Везли хорошо. Благодаря быстрой ѣздѣ, я уже не обращалъ вниманія на пустынные окрестности и когда показалось опять село и церковь, похожая на смышляевскую, вспомнилъ слова перваго ямщика. Вотъ только, что обратилъ здѣсь мое вниманіе: село Бобровское, гдѣ находится вторая станція, довольно обширно, но недостатокъ лѣса замѣтенъ на всемъ. Избы, правда, бревенчатые, но крыши крыты, то тесомъ, то соломой—и такъ, что половина кровли тесомъ, дру-

гая соломой. Сарай, хлѣва, заборы и околицы изъ плетня. Этотъ недостатокъ въ строительномъ матеріалѣ, чѣмъ далѣе отъ Самары, тѣмъ становится замѣтнѣе, такъ что въ слѣдующихъ селахъ (надо замѣтить, что тутъ всѣ станціи помѣщаются въ селахъ) появляются уже мазанковые хижины, хворостяныя крыши, даже хворостяныя дымовыя трубы; при чемъ, вмѣсто обокновенной трубы, торчитъ надъ крышей хворостяная корзина, обмазанная глиною. Скудость лѣса замѣтна и по топливу: слышенъ всюду запахъ отвратительнаго курева, потому что печи топятъ кизякомъ (навозный кирпичъ). Вплоть до самаго Бузулука (180 верстъ) мнѣ встрѣтились только два небольшихъ березовыхъ перелѣска, да кой-гдѣ кустарникъ. Дорога идетъ все перевалами по гористой мѣстности. Встрѣчаются рѣчки, напр. Кинель, Ельшанка и другія, но онѣ осенью ничтожны, между тѣмъ какъ въ половодье становятся уже рѣками и даже измѣняютъ направленіе главнаго почтоваго тракта. Впрочемъ, это характеръ всѣхъ горныхъ рѣкъ. Ельшанка, при станціи и селѣ того-же имени, чрезвычайно извилиста и имѣетъ почти отвѣсные берега.

Бузулукъ показывается издалека: верстъ за семь виденъ уже, какъ на ладони. Панорама не завидная, но отрадная, въ степи, послѣ утомительныхъ чуть все почти не тридцативерст-

ныхъ станцій. Надъ темной массой домовъ, какъ-бы нарочно-собранныхъ въ кучу отъ степныхъ бурь и непогодъ, бѣлѣются четыре церкви, а немного лѣвѣе отъ города пріютился мужской монастырь. Прежде видъ на Бузулукъ, вѣроятно, былъ лучше, потому что дорога была обсажена березами и представляла аллею; нынѣ-же изрѣдка встрѣчаются эти несчастныя деревья и то уже безжизненные, совершенно спаленныя солнцемъ. Бузулукъ имѣетъ четырехъ-угольную площадь, по сторонамъ которой нѣсколько улицъ. Онъ былъ прежде заштатный, теперь уѣздный городъ, новой оренбургской губерніи. Городъ вообще не великъ; дома, большею частію, деревянные одноэтажные, многіе почти не лучше крестьянскихъ избъ, а каменныхъ не больше пятнадцати. На городской площади рынокъ, а по бокамъ лавки: мелочныя, мясныя, колониальныя... Есть гостинница... Въ базарные дни сюда съѣзжаются крестьяне изъ окрестныхъ селъ, привозятъ мясо, домашнюю птицу, дичь, рыбу, дрова и проч. Въ концѣ 1864 года, мнѣ сказывали, что по случаю общаго здѣсь неурожая и недостатка въ кормовыхъ травахъ, мясо продавалось по 40 к. за пудъ, такъ что крестьяне били скотину на повалъ, отчего теперь многіе еще не могутъ поправиться въ домашнемъ хозяйствѣ. Улицы не мощенныя, не освѣщенныя, извозчиковъ нѣтъ и нѣтъ даже ни одной цирюльни, если-бы встрѣтилась надоб-

ность побриться. Зато, впрочемъ, въ Бузулукѣ есть два или три магазина, въ которыхъ можно найти всякіе товары, начиная отъ дорогихъ матерій, ковровъ, часовъ и т. п. до различныхъ бездѣлушекъ для письменнаго стола. Я успѣлъ узнать, что тамъ есть и общество, или, какъ его называютъ, собраніе, но постоянного помѣщенія оно не имѣетъ, а арендуетъ домъ на зиму за 200 рублей. Жалуются только на недостатокъ музыкантовъ, которыхъ во всемъ городѣ, говорятъ, человѣкъ пять-шесть—и то изъ отставныхъ солдатъ. А вѣдь не думайте: Бузулукъ ведетъ порядочную торговлю и нѣкоторые купцы его приписаны въ Самарѣ, въ Оренбургѣ и другихъ городахъ. Главные предметы торговли — хлѣбъ, сало, кожи...

Станція въ Бузулукѣ помѣщается на краю города. При самомъ входѣ моемъ въ комнату, содержатель станціи, узнавъ, кто я и куда ѣду, проговорилъ:

— Вамъ сегодня не ѣхать...

— Отчего? Развѣ лошадей нѣтъ?

— Нѣтъ-съ,—лошадей какъ не быть: сколько угодно, но вотъ, видите, буранъ поднимается.... Какъ-бы тово, не занесло....

Дѣйствительно, въ Бузулукѣ я нашелъ уже снѣгъ, который выпалъ тутъ дня за два до моего приѣзда. И въ то время, какъ я былъ на станціи

пошелъ опять снѣгъ, образуя, какъ мнѣ казалось, небольшую мятель...

— Вотъ вздоръ, сказалъ я, подозрѣвая, что хозяинъ хочетъ удержать меня въ надеждѣ взять съ меня за самоваръ или за закуску,—я поѣду...

— Воля ваша-съ, только-бы не совѣтовалъ. Все равно вернетесь съ дороги: смотрите, какъ мететь... Къ тому-же часъ, два—и темно будетъ.

Я между тѣмъ ничего особеннаго не видѣлъ... На улицѣ была, на мой взглядъ, обыкновенная мятель,—и когда въ комнату вошелъ какой-то проѣзжій, весь засыпанный снѣгомъ, тутъ только я повѣрилъ, что погода разыгралась не на шутку.

— Бррр-ръ, какой буранъ! сказалъ проѣзжій, разматывая шарфъ, которымъ было укутано его лицо. Изволь теперь, по милости, его ждать нѣсколько часовъ, а можетъ быть и до утра.

— Скажите, пожалуйста, неужели вовсе нельзя ѣхать? спросилъ я.

— Положительно нельзя!... Изъ города, я вамъ скажу, не выѣдете. Такъ и лѣпить глаза... А вы, смѣю спросить, куда изволите?

— Въ Оренбургъ.

— Ну такъ намъ по пути-съ... Придется пообождать ночку, что дѣлать... Просто, зги не видно, хвостовъ у своей тройки не разберете... Эй, хозяйюшка—самоваръ; а вамъ вотъ хозяинъ, по-дорожная...

— И часто такъ бываетъ?

— Бураны очень часты, отвѣчалъ проѣзжій, но такіе сильные, какъ сегодня бываютъ рѣже... Другой разъ, я вамъ скажу, зарядить сутокъ на трое... Ну еще днемъ туда-сюда, съ грѣхомъ пополамъ можно добраться, а ужъ ночью, чего Боже сохрани, бѣда! Бывали случаи, что собьются съ дороги, да и замерзнуть въ степи... Я ужъ здѣшніе бураны знаю, въ годъ разъ пять, если не больше, тутъ ѣзжу...

Послѣ такихъ доводовъ смѣшно было-бы не остаться.

Спросивъ себѣ также самоваръ, я перешелъ въ другую конрату и, въ ожиданіи чаю, прилегъ на диванъ.

Сосѣдъ мой и вмѣстѣ съ тѣмъ попутчикъ, между тѣмъ, хлопоталъ около своего стола, на который выпоражнивалъ изъ сакъ-вояжа дорожную провизію и, когда по видимому все уловилъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Не прикажете-ли закусить?

— Благодарю васъ, мнѣ что-то не хочется...

Я, пожалуй, такъ приду поговорить съ вами...

— Ну-съ чайку позвольте просить!

— Да вѣдь мнѣ подадутъ самоваръ, не беспокойтесь...

— Напрасно заказывали... Вотъ-бы вмѣстѣ, повеселѣе... Да не церемоньтесь, ради Бога, выку-

шайте стаканчикъ! И незнакомецъ навязалъ мнѣ стаканъ чаю.

— Здѣсь, кажется, есть монастырь? сказалъ я, чтобы начать разговоръ.

— Не одинъ, а два-съ—мужской и женскій. А это что на площади, видѣли—соборъ во имя св. Троицы, съ предѣломъ св. Михаила Архангела, а далѣе церковь Воскресеніе Христово—обѣ каменные-съ...

— Да, это я видѣлъ... Такъ воскресенская церковь та, что новая, выстроенная по проекту такъ называемыхъ тоновскихъ церквей?

— Она самая-съ. Маленькій городишко; конечно, для него и это достаточно. Еще, впрочемъ, есть церковь во имя св. Николая Чудотворца.

— Сколько отсюда до Оренбурга?

— Двѣсти двадцать шесть верстъ... Вотъ скоро станицы начнутся, поѣдете казаками... Впрочемъ, все равно—и станціи теперь стали, какъ села. Военнаго характера нѣтъ, да пожалуй и не надо: кругомъ все тихо, смирно... Вотъ ужъ сколько лѣтъ я здѣсь ѣзжу, про случаи грабежей или убійства не слыхать....

— Вы торгуете?

— Да-съ, что дѣлать-то! Имѣю небольшое-съ помѣстье, да вотъ и торгую—надо чѣмъ нибудь заниматься...

— А что о Бузулукѣ вы скажете?

— Что-съ? Вы не смотрите, что онъ такой приземистый съ виду; торговаго сословія здѣсь порядочно. Однихъ мѣщанъ тысячъ до 3-хъ будетъ, ну и капиталисты есть. Вся бѣда, что судоходства нѣтъ. Самара и порядочная рѣка, да сплавная, а не судоходная... Въ добавокъ и мельницами позагородили. Мельницы вѣдь богатые есть, тысячъ двадцать пять—болѣе иная доходу приносить, напр. обуховская мельница. Теперь весь товаръ отсюда въ Самару идетъ гужомъ, по 8 и 10 коп. съ пуда... Еще недостатокъ есть въ рѣкѣ Самарѣ—она очень извилиста, такъ, что если ѣхать ею, то отъ Бузулука въ г. Самару будетъ до 260 верстъ, тогда какъ сухопутьемъ, помимо почтоваго тракта, гдѣ обыкновенно тянутся обозы, всего лишь 147 верстъ. Вотъ-бы желѣзную дорогу здѣсь, хоть-бы желѣзно-конную—важное-бы дѣло было. Тогда, можетъ быть, и изъ Россіи стали-бы на лѣто пріѣзжать сюда на кумысъ; вѣдь здѣсь это леченіе не чета тому, что въ Самарѣ. Ужъ одно то, что воздухъ совсѣмъ другой. Теперь пока одно здѣсь кумысолечебное заведеніе близъ богатаго имѣнія г. Стобеуса—Александровки, лежащей въ 80 верстахъ отъ Бузулука.

II.

Продолженіе объ оренбургскомъ трактѣ. Случайныя статистическія свѣдѣнія объ Уфѣ. Послѣдній перегонъ до Оренбурга. Почтовая упряжь и бичеванье. Сакмара. Маячная гора. Въѣздъ въ Оренбургъ.

За Бузулукомъ та же мѣстность, только горъ немного больше. Станціи помѣщаются въ станицахъ, гдѣ, по преобладающему числу пятиконныхъ фасадовъ, можно заключать, что была когда-то попытка на устройство станицъ по плану. Относительно-же состоянія и содержанія станцій до Бузулука и за нимъ нѣтъ никакой разницы. Станціонные смотрители встрѣчаются изъ отставныхъ казачьихъ офицеровъ. Обширнѣйшія изъ станицъ — Тоцкое, Ново-Сергіево и Татищево, — послѣдняя болѣе, чѣмъ другой уѣздный городъ. На Чернорѣченской (послѣдней къ Оренбургу) станціи встрѣтился мнѣ грозжій чиновникъ изъ Уфы. Раз-

говорились. Онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что народонаселеніе этого города составилось въ свое время изъ переселенцевъ разныхъ сословій, прибывшихъ туда изъ разныхъ мѣстъ Россіи, по своему желанію, больше-же по распоряженію правительства. Тутъ вначалѣ были стрѣльцы, казаки, шляхта, дворяне и московскіе посадскіе люди. Рассказывая о постепенномъ приращеніи числа жителей Уфы, этотъ господинъ передалъ мнѣ нѣсколько интересныхъ статистическихъ данныхъ, хранившихся въ его памятной книжкѣ. Такъ, напр. въ 1762 году, или чрезъ 186 лѣтъ, послѣ основанія города, какъ свидѣтельствуется Рычковъ («Топограф. Оренбург. губ. часть II, стр. 198), въ Уфѣ считалось только 651 дворъ, въ томъ числѣ купцовъ и цѣховыхъ 230 человекъ; въ 1839 году, т. е. спустя 265 лѣтъ по основаніи Уфы, какъ видимъ у Ханыкова («Матерьяль для статистики, въ статьѣ: Географическое обозр. Оренб. губ.»), народонаселеніе состояло уже изъ 6117 душъ обоего пола, не исключая изъ сего числа и военныхъ. Съ той поры оно стало быстро прибывать, такъ что въ 25-ти лѣтній періодъ (съ 1839 г. по 1863 г. включительно) увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое. Въ настоящее время число жителей Уфы обоего пола составляетъ 14553 чел., кромѣ лицъ временно пребывающихъ, которыхъ надо считать среднимъ числомъ въ году до 2000. Изъ коренныхъ жителей

принадлежать къ православному исповѣданію 14,014 чел., римско-католическому 96, лютеранскому 4, раскольниковъ, принимающихъ священство 2, секты безпоповщины 191 и магометанъ 247. Сословное раздѣленіе представляетъ слѣдующія цифры:

	Муж.	Женс.
1) <i>Дворянъ</i> : потомственныхъ	149	407
— личныхъ	764	831
2) <i>Духовенства</i> :		
Православнаго { бѣлаго	44	54
{ монашест.	9	85
Магометанскаго	2	2
3) <i>Городскихъ сословій</i> :		
Почетн. гражд. { потомств.	6	10
{ личныхъ	8	10
Купцовъ	101	111
Мѣщанъ и записанн. въ окладѣ	1922	2063
Цеховыхъ	102	112
4) <i>Сельскаго сословія</i> :		
Крестьянъ госуд. и проч.	1558	1748
5) <i>Военныхъ</i> :		
Регулярныхъ войскъ	1412	303
Безсрочно-отпускныхъ	112	46
Отставныхъ нижнихъ чиновъ	526	
Ихъ женъ и дочерей		2038

Солдатскихъ дѣтей	237	173
6) <i>Иностранцевъ</i>	22	17
Итого	7444	7110
Всего	14554	чел.

Отъ Чернорѣченской станціи, которая зовется въ народѣ просто: *чернорѣемъ*, до Оренбурга остается 29 верстъ; но почтовымъ трактомъ тутъ возятъ только въ половодье, а въ остальное время года везутъ такъ называемыми лугами, гдѣ всего только 18 верстъ. Ъхать лугами пріятнѣе, потому что въ первый разъ (считая отъ Самары) перемѣняется декорація мѣстности. Степь исчезаетъ совершенно, а на мѣсто ея являются поляны, пересекаемыя лѣсомъ, такъ что собственно луговъ нѣтъ, и названіе это, по всей вѣроятности, возникло здѣсь вслѣдствіе низменнаго положенія мѣстности, которая, составляя побережье р. Сакмары, весною бываетъ вся покрыта водою. Дорога лугами покойна, спуски и подъемы небольшіе. Но кто знакомъ съ характеромъ нашей почтовой гоньбы, тотъ и тутъ не удивится общепринятому бичеванью, которое, такъ сказать, вытягиваетъ лошадей вдоль дороги. И ужъ изловчились-же въ этомъ бичеваньи ямщики! Трудно представить, чтобы лошадь, назначенная для гоньбы, имѣла въ понятіяхъ ихъ значеніе какого-нибудь животнаго; они, въ буквальномъ смыслѣ, смотрятъ на нее какъ на скотину,

обреченную на вѣчные удары и мученія. Обратите прежде всего вниманіе на упряжь: вся эта куча веревокъ, съ росписной дугой и двумя оглоблями, не имѣетъ никакого смысла, потому что запрягайте хоть шестерку въ рядъ, все такъ тяжесть повозки будетъ лежать главнѣйшимъ образомъ на *коренной*, особенно при спускахъ съ горъ. Посмотрите на всѣ, такъ называемыя, постромки съ ихъ *вальками*: не было еще ямщика, который, впрягая въ нихъ пристяжную, подумалъ-бы когда-нибудь, такъ ли онѣ прилажены и вѣрно-ли онѣ выравнивалъ ихъ концы. Оттого зачастую лошадь не имѣетъ достаточной свободы для своего бѣга, веревки трутъ ей бока до крови,—и только кнутъ, безнощадный кнутъ заставляетъ ее несчастную бѣжать впередъ до упаду. Да и упадетъ лошадь—лиха бѣда! «Туда ей и дорога», скажетъ ямщикъ, «одеръ была, одно слово что одеръ». Если филантропическія стремленія породили уже благородную мысль объ открытіи общества покровительства животнымъ, то, кажется, жизнь и мученія нашихъ почтовыхъ лошадей должны быть поставлены на первый планъ заботъ этого общества. Безъ почтовой гонимы обойтись невозможно, но выборъ той или другой изъ болѣе удобныхъ системъ упряжи, равно улучшеніе содержанія лошадей, лежатъ на совѣсти содержателей почтъ, и какъ собственно почтовая упряжь представляетъ вопросъ весьма

серьезной важности, то разрѣшеніе онаго можетъ быть достигнуто не иначе, какъ только техническими собраніями лицъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ. Посмотрите на артиллерійскую упряжь, на наши военные обозы, на упряжь пожарныхъ командъ: хотя въ каждой изъ нихъ можно найти, разумѣется, несовершенства и недостатки, но все же видно, что конструкціею ихъ руководила мысль, тогда какъ почтовая упряжь создавалась, такъ сказать, сама собою, безъ всякой руководящей идеи. Отъ такого недостатка, въ приспособленіи къ назначенію, происходитъ и мука лошадей, и самораспряганіе троекъ на полдорогѣ, и даже несчастные случаи при спускахъ съ горъ, или переѣздахъ чрезъ овраги. Развѣ не такъ, или не почти такъ происходитъ на станціяхъ, что, по требованію вашему лошадей, выводятъ вамъ тощихъ одровъ, такъ называемую *тройку*, въ которой одна изъ пристяжныхъ не подходящая, и непременно портитъ все дѣло. Начинается впряганіе этой пресловутой тройки, причемъ оказывается, что дуга не та, которая слѣдуетъ къ этой повозкѣ, и на вопросъ ямщика: «гдѣ-же дуга»? отвѣчаютъ: «Онисимъ повезъ почту». Находятъ потомъ, что постромки коротки; черезсѣдельникъ плохъ, кнута нѣту—и, послѣ полчасовой суетни, всевозможной брани и криковъ, навязавъ на постромкахъ и проч. пропасть разныхъ узловъ, говорятъ, что лошади

готовы. Прискорбно видѣть, но такъ, или почти такъ дѣлается на всей Руси.

Дорога, идущая лугами, окончивается у Сакмары. Сакмара не широка, но будетъ въ этомъ мѣстѣ, однакожь, съ петербургскую Фонтанку. Течение ея тихое, спокойное. За переѣздъ чрезъ плувучій мостъ, построенный на судахъ какимъ-то частнымъ лицомъ, платится по 5 коп. съ лошади, что не совсѣмъ дешево, но спасибо и за то, что хотя устроили мостъ, а то вотъ, если ѣхать почтовымъ трактомъ, такъ на Сакмарѣ ожидаетъ паромъ со всѣми случайными его неприятностями, особенно въ такое время года, когда ледъ на рѣкѣ еще тонокъ для ѣзды, а для проведенія парома необходимо его колоть.

За Сакмарой опять степь... Миновавъ Маячную гору, изъ которой выламывается въ обильномъ количествѣ хорошій строительный матерьялъ, извѣстный подъ названіемъ *маячнаго* камня, выѣзжаешь уже на плоскость, гдѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ впереди, раскинутъ Оренбургъ.

— Вотъ вошпиталь (госпиталь), сказалъ мнѣ ямщикъ, когда мы поровнялись съ цѣлымъ кварталомъ зданій, впереди которыхъ возвышается каменный главный корпусъ.

— А это вотъ на лѣво караванъ-сарай.

Госпиталь, какъ и всѣ подобнаго рода постройки, имѣетъ формальный характеръ и сейчасъ видно,

что военный; но караванъ-сарай не могъ не привлечь моего вниманія. Это обширное, можно сказать даже громадное, четырехугольное каменное зданіе строгой и стройной архитектуры, окруженное стѣною и садомъ съ каменною мечетью, покрытою яицеобразнымъ куполомъ и съ высокимъ минаретомъ. Прежде (за годъ предъ симъ) въ караванъ-сараѣ помѣщалось Управление башкирскаго войска; нынѣ же въ немъ живетъ оренбургскій губернаторъ и находятся губернскія присутственныя мѣста. Теперь это болѣе не караванъ-сарай, а губернаторскій домъ.

— А это что? спросилъ я ямщика, указывая на одноэтажное зданіе изъ разноцвѣтнаго кирпича.

— Степной чихаузь назывался, а нынче какой-то складъ, только названіе больно мудрено, отвѣчалъ ямщикъ.

— Интендантскій складъ?

— Такъ точно-съ. А на-право, вотъ впереди острогъ съ обахтой. Скоро въѣдемъ въ Большую улицу. Чай къ Антону прикажете, баринъ?

— Кто это Антонъ?

— Да у него лучшая гостинница, гдѣ всѣ господа останавливаются...

— Ну такъ вези къ Антону...

III.

Краткій очеркъ Оренбурга. «Hôtel d'Orenbourg». Городскія замѣтки. Климатъ.

Оренбургъ состоитъ изъ стараго города — бывшей крѣпости и трехъ прежнихъ его предмѣстій — Старой слободки, Новой слободки и Казачьяго форштадта. Крѣпостные валы срыты въ 1863 году, за исключеніемъ небольшого участка на восточной окраинѣ города, но и эти валы, по всей вѣроятности, будутъ срыты въ настоящее время. Бывшія эспланады, которыя, по правиламъ устройства крѣпостей, отдѣляли оренбургскую крѣпость отъ предмѣстій, нынѣ уже обстраиваются, такъ, что чрезъ годъ, много чрезъ два, предмѣстья эти совершенно сольются съ городомъ. Главная улица въ Оренбургѣ, Большая Николаевская, или, какъ называютъ ее сокращенно: «Большая» раздѣляетъ старый городъ на двѣ части. Состав-

ляя протяженіе не болѣе версты, она обрамлена почти сплошь все каменными домами, большею частью казенными. На ней находятся: домъ инженерной команды, градская богадѣльня, Военно-Петропавловская церковь, глухая стѣна гостиннаго двора съ возвышающеюся надъ ней церковью Вознесенія, большое съ колоннами зданіе генералъ-губернаторской канцеляріи, манежъ съ устроеннымъ въ немъ театромъ, домъ 2-го эскадрона Неплюевского кадетскаго корпуса, окружный штабъ, градская дума и предъ этими двумя зданіями просторный скверъ съ небольшимъ фонтаномъ, домъ собранія, нѣсколько домовъ, занимаемыхъ начальниками отдѣловъ оренбургскаго военного округа, полицейскій домъ съ каданчею, областное управленіе киргизами, киргизская школа, лютеранская церковь, казенная аптека, бывший ордонансъ-гаузъ, училище военного вѣдомства, обширный и богатый домъ командующаго войсками и въ концѣ самой улицы, на берегу Урала, пирамидальный гранитный памятникъ императору Александру I. Кромѣ вышеприведенныхъ зданій, на Большой улицѣ нѣсколько частныхъ домовъ, магазины, вольная аптека и биржи городскихъ извозчиковъ. Улица вымощена щебнемъ (шоссе), имѣетъ широкій плитный тротуаръ и освѣщается фонарями, въ которыхъ горятъ свѣчи. Изъ этого краткаго очерка читатели увидятъ, что обстановка Большой Николаевской

улицы такъ себѣ, порядочная, для такого города, какъ Оренбургъ, лежащаго въ степи, въ совершенномъ захолустьѣ, но зато этимъ, такъ сказать, все и кончается. Поверните съ Большой улицы вправо, или влѣво, куда-нибудь въ сторону—всюду встрѣтите уродливость, безобразіе и бѣдность. Хотя параллельно Большой Николаевской улицѣ идутъ, по сторонамъ ея, много другихъ, которыя, какъ и первая, пересекаются нѣсколькими большими улицами, но всѣ, за исключеніемъ Водяной улицы, немощеныя, безъ тротуаровъ, а нѣкоторыя дотога песчаны, что пѣшкомъ трудно по нимъ ходить. Сверхъ вышеизчисленныхъ нами зданій, въ Оренбургѣ еще семь православныхъ церквей (всѣ каменные), изъ которыхъ два собора Введенскій кафедральный и Преображенскій (первый зимній, второй лѣтній), архіерейскій домъ съ консисторіею, католическій костелъ, двѣ каменные мечети съ минаретами, гостинный дворъ съ прилежащимъ къ нему базаромъ, таможня съ обширнымъ дворомъ и пакгаузами, зданіе 1-го эскадрона Неплюевского кадетскаго корпуса, Николаевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, щепенной, мучной, лѣсной и конный базары, городской водопроводъ съ каменнымъ резервуаромъ, водоподъемнымъ зданіемъ и трехъ-верстною сѣтью водопроводныхъ трубъ, общественныя

бани, нѣсколько казармъ, арсеналъ, разные военные магазины и т. п.

Проснувшись, на другой день, въ гостинницѣ купца Антона Каретникова (которая на вывѣскѣ величается «Hôtel d' Orenbourg», а въ народѣ, какъ уже мною замѣчено, зовется просто гостинницею Антона), я началъ обзоръ этого заведенія съ моего номера. За комнату въ два окна, отъ которой отдѣлены досчатыми перегородками крошечная спальня и передняя, съ меня брали по 1 р. 50 коп. въ сутки—и хотя въ этотъ расчетъ включались стеариновая свѣча и самовары, подаваемые утромъ и вечеромъ, но для Оренбурга это очень дорого, тѣмъ болѣе, что номеръ грязный, мебель сильно потертая, кроватное бѣлье по особой платѣ и прислуга плоховатая. Номеръ нѣсколько обширнѣе стоитъ 2 рубля, что уже просто изъ рукъ вонъ, при тѣхъ грязныхъ и выгорѣвшихъ отъ солнца стеклахъ, сквозь которыя едва можно различить идущихъ по улицѣ. Гостинница помѣщается въ обоихъ этажахъ: въ нижнемъ — общія комнаты, биллиардъ и буфетъ; въ верхнемъ номера.—Почти съ утра я успѣлъ познакомиться съ моимъ сосѣдомъ, знавшимъ уже Оренбургъ во всѣхъ подробностяхъ. Когда я намекнулъ ему о плохомъ содержаніи гостинницы и необычайной дороговизнѣ ея номеровъ, то онъ улыбнулся, и сказалъ съ увѣренностью компетентнаго судьи:

— «Здѣсь все такъ. Тутъ на каждомъ шагу вы встрѣтите монополіи. Когда городъ былъ исключительно военнымъ, монополіи эти развились до non plus ultra. Вы приѣзжайте—вамъ надо гдѣ-нибудь остановиться, отдохнуть и сложить свои вещи, — и вотъ вамъ гостинница—единственное пристанище, гдѣ за то и берутъ съ васъ что хотятъ. Правда, есть еще за базаромъ другая гостинница, купца Тарасова, но та ужъ рѣшительно никуда не годится. Можно также останавливаться въ номерахъ собранія—тѣ сходище этихъ, да зато всегда почти заняты. Тутъ, покрайней мѣрѣ, сносно кормятъ. Ознакомитесь съ Оренбургомъ, увидите, что и въ различныхъ отрасляхъ здѣшней мелочной торговли и промышленности отсутствіе всякой конкуренціи, а всюду и во всемъ свои монополіи. Ступайте въ гостинный дворъ, овощную лавку, магазины—вездѣ съ васъ возмутъ, если не въ три, то навѣрное въ два раза противъ московскихъ цѣнъ, хотя большая часть товаровъ везется сюда съ Нижегородской ярмарки и при томъ въ такое время года, когда провозъ удобнѣе и дешевле. Можетъ быть (прибавилъ сосѣдъ) съ состоявшимся обращеніемъ Оренбурга въ губернский городъ, заведутся новые и лучшіе порядки, но пока потребитель былъ всегда въ полной власти продавца»

— Но вѣдь тутъ нѣкоторымъ образомъ вино-

вата и сама публика, что допустила такой произволъ торговцамъ, началъ было я.

— Помилуйте, да что вы станете дѣлать! Вы—офицеръ, вамъ вдругъ понадобились эполеты, и вотъ вы по неволѣ платите рублемъ, или двумя дороже, за какую-нибудь московскую дрянъ. Но эполеты еще аккуратный офицеръ можетъ имѣть заблаговременно изъ Петербурга, а вотъ вы хотите сдѣлать сюрпризъ своей женѣ по своему вкусу—не выписывать же вамъ подобную вещь изъ столицъ на чужой выборъ, когда вы видите, что и въ здѣшнихъ магазинахъ много богатыхъ матерій и галантерейныхъ вещей. Вы преспокойно идете въ тотъ или другой магазинъ, а тамъ видятъ, что вамъ такая-то вещь нужна и преспокойно берутъ съ васъ за нее втрое или вдвое. Будь конкуренція—другое дѣло! Не сойдясь въ цѣнѣ въ одномъ магазинѣ, вы пошли-бы въ другой, а тутъ какъ магазиновъ мало, и каждый имѣетъ свою спеціальность, то поневолѣ, если вамъ вещь нужна, вы безъ нея изъ магазина не выйдете. Посмотрите на базаръ: что тамъ дѣлается. Базаръ здѣсь открывается съ 2-хъ часовъ по полудни, а до того времени нѣтъ продажи съѣстныхъ припасовъ.

Между тѣмъ, окрестные крестьяне, съ разными продуктами и живностью, въѣзжаютъ въ городъ весьма рано, потому что имѣютъ въ этомъ свои

нужды; но едва какой-либо возъ появится въ виду Оренбурга, какъ его перехватываютъ торговки—и, вмѣсто того, чтобы утромъ купить напри- мѣръ рябчиковъ, круглымъ числомъ по 20 коп. за пару, вы, послѣ 2-хъ часовъ, на базарѣ заплатите торговкамъ за тѣхъ-же самыхъ рябчиковъ 60 коп. Къ тому-же, между торговками и мелкими торгошами постоянныя стачки, вслѣдствіе чего цѣны устанавливаются ими по утрамъ; а по открытіи базара, что просятъ съ васъ на одномъ ларѣ—тоже самое запрашиваютъ и на всѣхъ прочихъ.

— А какъ здѣсь квартиры?

— Дороги и неудобны. Порядочныхъ квартиръ едва-ли наберется во всемъ городѣ десятка полтора... Остальныя грязны и зимою холодны. Главное неудобство здѣшнихъ семейныхъ квартиръ то, что кухни помѣщаются на другомъ концѣ двора, гдѣ прислуга, крайне здѣсь избалованная, живетъ по своему. На подобныхъ заочныхъ кухняхъ постоянныя сборища всякаго сброду. Притомъ-же климатическія условія: жестокая стужа зимою, бураны и вѣчно крутящаяся въ воздухѣ пыль лѣтомъ дѣлаютъ эти кухни крайне неудобными, не только для надзора опытной хозяйки, но и для подаванія къ столу кушаньевъ, которыя нужно проносить чрезъ весь дворъ. Въ добавокъ къ этому возьмите то, что квартира въ 300 руб. въ годъ, безъ дровъ здѣсь невзрачная, далеко не такая,

какую можно найти за эти деньги въ любомъ губернскомъ и даже во многихъ уѣздныхъ городахъ. Другая опять статья—дрова... Ихъ нужно запасать съ осени, ѣздить самому на Сакмару и то, при всей экономіи, сажень однополѣнныхъ, сосновыхъ дровъ обойдется не менѣе трехъ рублей. Если-же покупать дрова возами на базарѣ, какъ это дѣлаютъ бѣдняки, не имѣющіе запасныхъ денегъ, то сажень худшихъ дровъ станетъ въ пять рублей.

— Какъ-же, когда я уѣзжалъ изъ Петербурга, то мнѣ говорили, что Оренбургъ по дешевизнѣ и своему климату благодословенный край?

— Лѣтъ тридцать тому назадъ, говорятъ, что точно здѣсь было все дешево. Но что то былъ за Оренбургъ! Одна крѣпость; а всѣхъ этихъ обширныхъ предмѣстій, которыя теперь уже почти сливаются съ городомъ, тогда еще не было. Теперь и мѣстные-то продукты поднялись до ужасныхъ цѣнъ. Возьмите напри- мѣръ пшеничный хлѣбъ, такъ называемый *калачъ*, безъ котораго здѣсь не можетъ обойтись послѣдній нищій: вѣдь въ розничной продажѣ онъ продается по 4 коп. за фунтъ, а пшеничная мука пудами стоитъ 1 р. и 1 р. 10 коп. Сало также: ужъ кажется какъ не быть здѣсь дешевымъ салу, когда здѣсь, такъ сказать, сальная сторона, а между тѣмъ сальныя свѣчи въ Оренбургѣ въ той-же цѣнѣ, что и въ столицахъ. Рыба, не смотря на близость Уральска (250 верстъ)

также весьма дорога, и за свѣжую осетрину вы платите 30 коп. за фунтъ. Зелени нѣтъ и не бываетъ, за исключеніемъ дикаго щавеля, петрушки и луку. Салатъ самый щедушный и дорогой. Огурцы и капуста зависятъ отъ урожая, но не продаются дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Что же послѣ этого на повѣрку здѣсь дешево? Арбузы, возъ которыхъ (до 100 штукъ) стоитъ отъ одного до пяти рублей, мясо киргизскаго скота 4 коп. за фунтъ, вонючая баранина по 2 коп. за фунтъ, свѣжая черная икра, впрочемъ только зимою до 1 руб. фунтъ и балыки до 40 коп. за фунтъ. Сахаръ, чай и кофе тоже въ цѣнахъ московскихъ. Что же касается до климата, то вотъ поживете—увидите. Я знаю, что въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ Россіи считаютъ климатъ Оренбурга не только здоровымъ, но и цѣлебнымъ для страждущихъ грудными болѣзнями, тогда какъ онъ для подобныхъ субъектовъ самый убійственный, потому что воздухъ здѣсь крайне сухъ. Мнѣ также извѣстно, что врачи посылаютъ сюда больныхъ чахоткою на кумысъ, тогда какъ кумыса въ самомъ Оренбургѣ вовсе нѣтъ. Другое дѣло верстъ за сто, за двѣсти отсюда, въ Башкиріи, гдѣ обиліе водъ, растительности,—тамъ и климатъ совершенно другой, тамъ и превосходный кумысъ въ башкирскихъ деревняхъ.

IV.

Городской центръ Оренбурга. Базаръ. Гостинный дворъ. Толчокъ. Нѣкоторыя особенности въ продажѣ. Характеристика главной улицы. Собраніе и казачій клубъ. Водопроводъ. Александровскія бани.

Центръ Оренбургскаго движенія—это внутренняя площадь гостиннаго двора, называемая базаромъ. Кромѣ каменныхъ корпусовъ, въ родѣ Никольскаго рынка въ Петербургѣ, съ желѣзными, посудными, сундучными, краснаго товара и другими лавками, составляющими ряды: путоловъ (фамилія старинной торговой фирмы)—посудный, сундучный и проч., вдоль и поперекъ площади тянутся ряды деревянныхъ лавчонокъ съ мучнымъ, табачнымъ, мелочнымъ, овощнымъ, галантерейнымъ, москательнымъ, игрушечнымъ и другими товарами. Въ рядахъ этихъ татарскія лавки, съ казанскимъ и прочими сортами мыла, занимаютъ особыя мѣста, какъ равно сапожныя и башмачныя

лавки. Ряды мясной и рыбной стоятъ отдѣльно другъ противъ друга, а продажа прочихъ съѣстныхъ припасовъ (домашней птицы, дичи, масла, яицъ, овощей и т. п.) производится съ ларей—торговками вдоль путолова и другихъ каменныхъ рядовъ; молоко-же, сливки, въ извѣстное время года, ягоды, грибы и проч., продаются съ рукъ. Въ уединенномъ мѣстѣ двора, расположенъ *обжорный* рядъ — необходимая принадлежность всѣхъ русскихъ рынковъ, а въ срединѣ, на видной площадкѣ собирается ежедневно *толчокъ*—мѣстное названіе толкучаго рынка. Діагональ всей площади базара, между крайними корпусами каменныхъ лавокъ, будетъ немногимъ меньше діagonalи Сѣнной площади въ Петербургѣ. Собственно-же гостинный дворъ, съ другою такою-же обширною площадкою, гдѣ помѣщаются: правленіе таможни, лавки и кладовыя, находятся по сосѣдству съ базаромъ, отъ котораго отдѣленъ каменнымъ корпусомъ, съ воротами по срединѣ, завершенными каменною башнею, на флюгерѣ коей видно сквозное число 1810, вѣроятно, годъ постройки этихъ воротъ.

Подлѣ самыхъ воротъ, съ базарной стороны, устроена небольшая бесѣдка—мѣсто свиданій азіатскихъ купцовъ, постоянно сидящихъ, въ числѣ двухъ-трехъ человекъ и болѣе, на скамейкахъ бесѣдки. Это своего рода биржевая конференція; а въ одномъ изъ мучныхъ лабазовъ базара, въ не-

большомъ со стекломъ ящикѣ, помѣщается, такъ сказать, импровизованный почтамтъ, т. е. выставлены тѣ письма изъ среднеазіатскихъ ханствъ и киргизской степи, которыя присылаются въ Оренбургъ, на имя проживающихъ въ немъ азіатцевъ, безъ означенія адресовъ сихъ послѣднихъ. Расторопный татаринъ—сидѣлецъ этой лавки—занимается подобною корреспонденціею и, по всей вѣроятности, теченіе дѣлъ въ ханствахъ ему прежде бываетъ извѣстно, чѣмъ въ официальномъ мірѣ. Какъ видите, устройство такой конторы просто и практично.

Площадка гостиннаго двора всегда завалена кипами хлопка, почти ежедневно отправляемаго въ Россію. Тутъ увидите скопленіе рабочихъ, конныхъ подводъ, а иногда и верблюдовъ съ ихъ проводниками киргизами, но особаго оживленія, какъ на торговой биржѣ, не замѣтно.

Зато вышеупомянутая базарная площадь представляетъ совсѣмъ другую картину ежедневно, съ 2-хъ часовъ по-полудни, когда открывается базаръ. Лица всѣхъ сословій, богатый и бѣдный, старый и малый, снуютъ здѣсь взадъ и впередъ около торговцевъ. Толчокъ шумитъ и волнуется особо, на срединѣ площади. Его составляютъ солдаты, бабы, мужики, лакеи, ремесленники, мѣщане, разнощики, татары, бухарцы, хивинцы, киргизы, киргизки и евреи. По смѣси костюмовъ и лицъ,

принадлежащихъ къ различнымъ расамъ, это полуазіатскій базаръ. Въ густотѣ такой разношерстной толпы торчатъ иногда въ разныхъ мѣстахъ нѣскольکو верблюдовъ, лѣнливо поворачивающихъ свои головы по сторонамъ, или рисуется на степной лошади киргизъ бедуинъ, оскаливая свои бѣлые, какъ перламутръ зубы. Множество нищихъ, особенно босыхъ, оборванныхъ и даже полунагихъ дѣтей, толкается въ народѣ, выпрашивая себѣ милостыню и показывая прохожимъ свои отмороженные руки. Время отъ времени оглашаетъ воздухъ пронзительный крикъ верблюда, котораго киргизъ, посредствомъ шнурка съ палочкой, продѣтой въ ноздри, вмѣсто узды, заставляетъ опуститься на колѣни для того, чтобы возможно было на него сѣсть, или, въ шумной и грязной толпѣ толчка, раздается вдругъ звонкій голосъ татарченка: «*спичекъ не нату-ли*» (спичекъ не надо-ли), или наконецъ, въ довершеніе картины, поднимется драка—столь частое еще, къ сожалѣнію, явленіе въ многочисленныхъ сбирѣнхъ нашей черни.

Около торговыхъ на ларяхъ и торговыхъ сливками, молокомъ, грибами, и проч., толпятся обыкновенно всѣ тѣ, которые заинтересованы здѣсь въ дѣлѣ домашняго хозяйства. Семейные офицеры, чиновники, купцы, барыни, повара и служанки сосредоточиваются тутъ иногда до тѣсноты и нагружаютъ свои ручные мѣшки, или допотопные городскіе

тарантасы, разной живостью. Въ сжатой статьѣ нашей невозможно, конечно, передать всѣхъ подробностей этого разнообразнаго торжища, а потому, въ дополненіе къ общей характеристикѣ оренбургскаго базара, прибавимъ, что въ разныхъ мѣстахъ площади стоятъ продавцы яблоковъ, пряниковъ, орѣховъ и другихъ простонародныхъ лакомствъ, выставлены дорожные городскіе экипажи (тарантасы, пролетки и сани), подержанная домашняя утварь, а въ иные дни мебель. Мебель составляетъ въ Оренбургѣ рѣдкость и хлопоты для прїѣзжихъ. Если кто, по своимъ средствамъ, не можетъ, или изъ расчетовъ не желаетъ выписать весь необходимый для него ассортиментъ мебели изъ Москвы, или Петербурга, то въ Оренбургѣ онъ долженъ запастись ею исподволь, посредствомъ заказовъ, исполняемыхъ весьма медленно, или покупать, что придется, съ толчка. Бываетъ, что, при отъѣздѣ одного и прїѣздѣ другаго лица, мебель перваго переходитъ къ послѣднему, но это случай, на который всякому, ѣдущему въ Оренбургъ, рассчитывать нельзя. На толчкѣ, обыкновенно, можно встрѣтить только крашеную мебель—простые стулья, столы и кровати самой топорной работы, которые выносятъ каждый день; а иногда, разумѣется, попадаютъ и порядочныя вещи. Мебельныхъ лавокъ въ Оренбургѣ нѣтъ, да и мебельныхъ мастеровъ—крайнихъ бѣдняковъ по большей части—также мало. Предъ Рож-

дествомъ, а иногда и лѣтомъ, привозится сюда такъ-называемая *вятская* мебель, между которою бывають и орѣховая, но она требуетъ еще обивки, окончательной полировки, да и подчасъ расклеивается. Можетъ быть, нѣкоторые предметы изъ вятской мебели и оказываются прочными, но, вообще, она какъ-то не славится Оренбургѣ. Рояли, которые встрѣтите въ здѣшнихъ домахъ, всѣ безъ исключенія изъ столицъ, зеркала—также, хотя послѣднiя уродливаго фасона, болѣе изъ Москвы.

— Можете поэтому судить, какъ дорога здѣсь мебель, сказалъ мнѣ трактирный мой сосѣдъ, сопровождавшiй меня на базарѣ. Вотъ эти дрянные крашенные стулья не купите дешевле 10 руб. за дюжину; а что они, какъ не тѣ-же табуреты со спинками? Лѣсъ дорогъ, мастеровъ мало—вотъ вся задача. Ожидаютъ, впрочемъ, что превращенiе города въ губернской оживить здѣшнiе цехи и дать ходъ многимъ отраслямъ городской торговли и промышленности. А теперь возьмите: ни кузнецовъ, знающихъ свое дѣло, ни порядочныхъ слесарей, никакихъ опытныхъ ремесленниковъ не встрѣтите вы въ Оренбургѣ, за исключенiемъ часовщиковъ, да единственнаго токаря, Фрелиха, какъ-то сроднившегося съ городомъ.

Проходя базаромъ, я ни мало удивленъ былъ своего рода особенностью—продажею картофеля, вопреки общепринятому обычаю, *счетомъ*, а не *мѣрою*.

Сосѣдъ объяснилъ мнѣ эту странность тѣмъ, что встарину, здѣшнiе окрестныя деревни были населены, большею частью, раскольниками (ихъ и понынѣ много), которыхъ только сътру домъ могли принудить къ разведенiю здѣсь картофеля; почитаемого ими, какъ извѣстно, за проклятый плодъ. Такимъ образомъ, исполняя лишь требованiя мѣстныхъ властей, крестьяне-раскольники разводили сначала картофель въ небольшихъ количествахъ, а какъ чрезъ это онъ былъ рѣдкимъ въ краѣ, то и стали на первыхъ порахъ продавать его счетомъ, т. е. десятками, сотнями и такъ далѣе, что перешло, потомъ, въ обычай и сохранилось до нашего времени. Не ручаемся за достовѣрность этихъ словъ, но въ нихъ такъ много правдоподобiя, что трудно не вѣрить.

Однакожъ, доведъно о базарѣ... Изъ этого душнаго и пыльнаго угла выйдемъ на Большую Николаевскую улицу. Однообразная и скучная въ большую часть дня, она оживляется въ послѣобѣденное время, часовъ съ пяти по-полудни. Тротуаръ ея мало по малу наполняется гуляющими, а по срединѣ тянутся ряды экипажей. Шарабаны, тильбюри, коляски (послѣднихъ впрочемъ не много), доморощенные тарантасы и т. п. мелькаютъ длинной вереницей мимо фланеровъ, составляющихъ, впереди тротуара, почти сплошную стѣну. Къ числу фланеровъ должно отнести и бухарцевъ,

сидящихъ на крыльцахъ домовъ, у портика дома генераль-губернаторской канцеляріи и на другихъ мѣстахъ, въ безмолвномъ созерцаніи женскихъ лицъ, мелькающихъ предъ ихъ глазами. Особенно многолюдна бываетъ улица зимою, въ воскресные и праздничные дни... Тогда замѣтны на ней разставленные для порядка жандармы—словомъ, какъ должно быть гулянью.

Въ лѣтній сезонъ, Большая Николаевская улица рѣже служитъ мѣстомъ этихъ прогулокъ; въ pendant ей пусть въ это время и домъ собранія, гдѣ бывають лѣтомъ только завтраки, да обѣды, для желающихъ.

Зимою въ извѣстные дни даются здѣсь семейные вечера, балы и маскарады (послѣдніе рѣдко) отъ самого собранія и отъ такъ—называемаго казачьяго клуба. Казачій клубъ образовался въ концѣ 1864 года, вслѣдствіе необходимости доставить и среднему классу оренбургскихъ жителей возможность пользоваться общественными удовольствіями, такъ какъ собственно благородное собраніе, по сложившемуся здѣсь его характеру, сдѣлалось исключительнымъ мѣстомъ высшихъ сословій. Известно, что провинціальныя города вообще страдаютъ роскошью и изысканностью женскихъ нарядовъ, но Оренбургъ, какъ центръ военнаго и гражданскаго управленія краемъ и, притомъ, какъ резиденція генераль-губернатора, подверженъ этой

маніи въ превосходной степени. Доказательствомъ нашихъ словъ могутъ служить здѣшніе модные и галантерейные магазины, которые торгуютъ на большія суммы. Роскошь эта, правда, теперь нѣсколько умалается, но зародышъ ея такъ силенъ, что едва-ли она совершенно уступить благоумію. Рассказываютъ напр., что здѣсь въ прежнія времена эта общественная язва преобладала до того, что дамы лучшихъ сословій, во вниманіе къ ограниченному ихъ состоянію, получали періодическія субсидіи, ввидѣ кусковъ дорогихъ матерій, золотыхъ и другихъ цѣнныхъ вещей, и вслѣдъ за тѣмъ, секретное приказаніе, чтобы быть на балу въ такомъ-то именно, а не въ иномъ какомъ нарядѣ.

Было-ли въ тѣ блаженные времена легче мужьямъ и отцамъ семействъ отъ подобныхъ невидимыхъ даровъ, чѣмъ нынѣ, когда на прихоти своихъ любезныхъ супруговъ и дочерей они должны затрачивать иногда послѣднія деньги, то намъ неизвѣстно; однакожь, во всякомъ случаѣ, содержаніе подобнаго роскошнѣйшаго цвѣтника женщинъ (если это, дѣйствительно, было), представляя нѣчто схожее съ чертами изъ жизни восточныхъ сатраповъ, не могло не служить важнымъ подспорьемъ къ развитію здѣсь женской роскоши. Послѣ, когда невидимыя средства исчезли, а страсть пораскошничать всосалась уже въ кровь,

здѣшнее собраніе дошло до такихъ плачевныхъ результатовъ, что на балы его являлось иногда не болѣе трехъ дамъ, ибо прочія, за невозможностью соперничать съ счастливицами, хотя не безъ слезъ и ссоръ, оставались дома. И какъ такія страданія несло высшее общество, то можно себѣ представить, въ какомъ положеніи былъ средній кругъ, скованный совершенной замкнутостью.

Наконецъ, какъ уже сказано, въ концѣ 1864 года основался казачій клубъ... Ему положили начало казачьи офицеры, которые, какъ коренные жители Оренбурга, пошли прямо противъ общественной язвы и убѣдили свои семейства, что приличіе и вкусъ нарядовъ выше ихъ цѣнности... Къ казакамъ пристали и прочія лица средняго класса, мало по малу составилъ сборъ, а затѣмъ исходатайствовано было разрѣшеніе пользоваться залами благороднаго собранія. Недостаточныя семейства ожили и можно сказать, что на казачьихъ вечерахъ несравненно веселѣе и многолюднѣе, чѣмъ на пышныхъ сѣздахъ благороднаго собранія. Къ тому же и членскій взносъ на половину менѣе: вмѣсто 10 р., только 5 р. за весь зимній сезонъ. Жаль только, что танцевальная зала въ домѣ собранія одна и оркестръ далеко даже не изъ изрядныхъ...

Въ заключеніе этого письма скажу, что Оренбургъ имѣетъ водопроводъ, общая сѣтъ котораго составляетъ около 3-хъ верстъ. Водопроводныя трубы проложены по всѣмъ большимъ улицамъ и въ извѣстныхъ мѣстахъ устроены пожарные краны. Вода поднимается изъ Урала посредствомъ паровой машины и проводится сначала въ особый каменный резервуаръ, имѣющій два ящика, по 40,000 ведеръ каждый. Этимъ устройствомъ городъ обязанъ бывшему генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Безаку, попеченіемъ котораго возведены здѣсь и каменные «Александровскія» общественныя бани, такъ какъ въ отношеніи бань городъ имѣлъ большой недостатокъ.

проводныя трубы проложены по всѣмъ большимъ улицамъ и въ извѣстныхъ мѣстахъ устроены пожарные краны. Вода поднимается изъ Урала посредствомъ паровой машины и проводится сначала въ особый каменный резервуаръ, имѣющій два ящика, по 40,000 ведеръ каждый. Этимъ устройствомъ городъ обязанъ бывшему генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Безаку, попеченіемъ котораго возведены здѣсь и каменные «Александровскія» общественныя бани, такъ какъ въ отношеніи бань городъ имѣлъ большой недостатокъ.

V.

Общественная жизнь въ Оренбургѣ. Лѣтній сезонъ. Оренбургскія дачи и дачники. Занятіе артисты и любительскіе спектакли. Скорость почтоваго и телеграфнаго сообщеній съ Петербургомъ и Москвою. Библіотеки. Книжныя лавки. Что читаетъ Оренбургъ?

Общественная жизнь въ Оренбургѣ лѣтомъ однообразна и потому скучна. Возьмите не май и іюнь мѣсяцы, которые, во многихъ мѣстахъ нашей пространной Россіи, служатъ только началомъ, или, такъ сказать, *введеніемъ* лѣтняго сезона; но пріѣзжайте сюда въ срединѣ лѣта, въ самый разгаръ общественныхъ удовольствій въ другихъ городахъ, и вы соскучитесь съ первыхъ-же дней.

Лѣтній сезонъ открывается здѣсь гуляньемъ въ саду бывшаго караванъ-сарая (нынѣ губернаторскій). Садъ для Оренбурга былъ-бы достаточнымъ, но онъ странно устроенъ, такъ что публика толпится на двухъ только аллеяхъ и у небольшого воксала,

который, за неимѣніемъ конкурентовъ, снимаетъ на лѣто тотъ-же предприимчивый купецъ Каретниковъ, который содержитъ извѣстный уже читателямъ «Hotel d' Orenbourg». Сезонъ открывается всегда обѣдомъ, по назначенной платѣ, и затѣмъ, раза два-три въ недѣлю, публика собирается въ этотъ садъ послушать единственный въ городѣ музыкальный хоръ, въ которомъ, надо сказать правду, музыкальности мало. Жидкія, преимущественно хвойныя (больше все пихта) деревья сада безжизненны, какъ и вся оренбургская природа, трава желтовата и не имѣетъ той свѣжести и прелести зелени, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Но эти недостатки скрываются подъ мракомъ безлунныхъ вечеровъ и ночей, такъ какъ гулянья начинаются здѣсь не ранѣе десяти часовъ вечера, при фонаряхъ и другихъ иллюминаціяхъ; въ лунные-же вечера и ночи — помянутые недостатки исчезаютъ въ сліяніи свѣтотѣни воздуха съ тусклымъ свѣтомъ искусственныхъ, но всегда почти скудныхъ огней.

Весьма замѣчательно, что здѣсь нѣтъ, какъ на другихъ русскихъ гуляньяхъ, никакихъ разнощиковъ, а потому люди недостаточныхъ и низшихъ классовъ не имѣютъ возможности купить себѣ хотя яблоковъ, или другихъ недорогихъ лакомствъ, тогда какъ лучшая публика получаетъ изъ буфета вина, закуски, фрукты, сласти, пьетъ чай, съѣдаетъ

цѣлые ужины съ приличными дозами шипучаго, танцуетъ, играетъ въ общей залѣ въ карты—словомъ, веселится, какъ и вездѣ, забывая, что глядящая на нее сквозь окна воксала, толпа глотаетъ въ тоже время одинъ только, до крайности сухой оренбургскій воздухъ.

Съ возвращеніемъ Урала въ нормальный уровень, открываются гулянья и въ зауральской рошѣ. Единственный хоръ музыки успѣваетъ и здѣсь и тамъ, для чего оба гульбища чередуются, т. е. если сегодня гулянье въ губернаторскомъ саду, то завтра въ рошѣ. Роша, прорѣзанная вдоль широкимъ шоссе, нѣсколько похожа на загородный паркъ и имѣетъ больше тѣни, чѣмъ губернаторскій садъ, а потому въ ней можно встрѣтить гуляющихъ во всякое время. На одной изъ площадокъ, противъ того мѣста, гдѣ на другомъ берегу упирается конецъ Большой Николаевской улицы и возвышается генераль-губернаторскій домъ, выстроены небольшой воксалъ, нѣсколько деревянныхъ палатокъ для игры въ карты и арена для музыки. Кромѣ того, на площадкѣ поставлено нѣсколько скамеекъ и столиковъ для желающихъ пить чай или ужинать подъ открытымъ небомъ. Отсюда, замѣтимъ кстати, хорошъ видъ на противоположащій берегъ, на крутомъ склонѣ котораго расположены террасами генераль-губернаторскій садъ съ оран-

жерею. Отсюда-же перекинуть чрезъ Уралъ узкій пѣшеходный постоянный мостъ.

Шоссе, пролегая за первую площадку, выходитъ въ концѣ роши къ обширной полянѣ, на которой выстроено нѣсколько дачъ (въ томъ числѣ и генераль-губернаторская), имѣющихъ видъ сельскихъ домиковъ и возвышенныхъ болѣе сажени надъ горизонтомъ земли. На полянѣ этой происходятъ народныя гулянья, съ музыкою, иллюминаціями, фейерверками и общедоступными *аллегри* въ пользу бѣдныхъ. Народъ, не выдавшій ничего лучшаго, толкается на этихъ гуляньяхъ взадъ и впередъ мимо увеселительныхъ огней и немудреныхъ декораций, или составляетъ кружки у выставленныхъ на показъ выигрышей. Особенно замѣтна страсть испытать свое счастье у азіатцевъ, татаръ, бухарцевъ, хивинцевъ и пр., которые прокидываютъ часто по нѣскольку билетовъ въ эти аллегри и которыхъ всякій пустой выигрышъ радуетъ, какъ дѣтей. Подобныя аллегри доставляются вообще распоряженіемъ комитета о бѣдныхъ.

И такъ вотъ только два мѣста, гдѣ собираются лѣтомъ оренбуржцы. Таже обстановка, тѣже самыя лица сегодня, что и вчера, почти наизусть заученныя музыкальныя пьесы, тотъ-же преобладающій военный элементъ во всемъ и всюду, даже одни и тѣже блюда въ буфетѣ—дѣлаютъ гулянья эти крайне однообразными. Выѣхать за городъ

некуда, нигдѣ нѣтъ по близости ни рощи, ни хутора, ни дачъ, ни, наконецъ, клочка земли, за исключеніемъ береговъ Сакмары, но туда далеко (до 7 верстъ), да тамъ и пустынно. Ъздаютъ туда, впрочемъ, нѣкоторые семейства съ самоварами, отправляя послѣдніе, вмѣстѣ съ холоднымъ ужиномъ, на особой подводѣ, но не очень охотно, потому что дикая природа не привлекательна какъ-то и тамъ. Иные посѣщаютъ Маячную гору, чтобы прослушать зорю въ кадетскомъ лагерѣ, или отправляются къ пугачевскимъ батареямъ—четыремъ небольшимъ холмамъ, которымъ народная молва присвоила это историческое названіе.

Оренбургскіе дачники, за исключеніемъ не многихъ, имѣющихъ дачи въ рощѣ, живутъ въ нѣкоторыхъ станицахъ по Уралу и въ окрестныхъ деревняхъ, къ которыхъ ближайшая къ городу, Берды, лежитъ въ семи верстахъ. Деревня Берды, впрочемъ, способна къ тому, чтобы устроить въ ней воксалъ для лѣтнихъ увеселеній. Она расположена на горѣ, близъ воды, окружена зеленью — тутъ-бы можно было создать что-либо лучшесныхъ деревенскихъ избъ; но пока еще подобные проекты не занимали, какъ видно, предприимчивость оренбургскихъ промышленниковъ.

Другой сортъ оренбургскихъ дачъ — это киргизскія кибитки (конического вида палатки, обитыя войлокомъ). Небогатые люди, или лица, связанные

служебными обязанностями съ городомъ, покупаютъ киргизскія кибитки и располагаются въ нихъ, гдѣ вздумается: въ зауральской рощѣ, или на берегу Сакмары, или гдѣ-нибудь, подъ тѣнью нѣсколькихъ деревьевъ. Пару такихъ палатокъ, стоящую примѣрно до 40 рублей, считаютъ весьма достаточнымъ помѣщеніемъ для небольшого семейства. Въ такомъ случаѣ, одна изъ палатокъ (господская) убирается коврами и необходимою мебелью; другая-же (людская) служитъ кухнею и жилищемъ для прислуги. Подобныхъ, наскоро импровизованныхъ, дачъ въ окрестностяхъ Оренбурга можно встрѣтить не мало, но всѣ онѣ располагаются отдѣльно одна отъ другой, какъ будто оренбуржцы сами бѣгутъ общества.

Лѣтомъ въ Оренбургѣ бывають иногда заѣзжіе комедіанты, акробаты, волтижеры, фокусники; даются изрѣдка спектакли любителей. Но эти удовольствія не постоянны и не всегда радушно принимаемы оренбуржцами. Въ прошломъ году, австрійскій подданный Беранекъ, забравшійся въ Оренбургъ, съ многочисленною труппой, едва не заморилъ здѣсь, вслѣдствіе чрезвычайной дороговизны кормовъ (*) и плохаго сбора съ представленій своихъ дрессированныхъ лошадей. Любительскіе

(*) По случаю неурожая въ 1864 году, кормы, въ началѣ 1865 года, были крайне дороги.

спектакли, даваемые, обыкновенно, въ пользу бѣдныхъ, также не равны—и разстраиваются отъ независимыхъ причинъ, напр. чрезъ неожиданный отъѣздъ лучшихъ персонажей и т. п.

Столичные новости привозятъ изъ Петербурга въ Оренбургъ лѣтомъ на девятый день, причемъ газеты и письма изъ Петербурга и Москвы получаютъ три и четыре раза въ недѣлю. Зимой и въ распутицу періодъ этотъ продолжается отъ 10 до 20 дней. Телеграфическая депеша изъ Петербурга съ доставкой по адресу въ Оренбургъ, употребляетъ на свою передачу до 8 часовъ и менѣе, что зависитъ, конечно, отъ количества телеграфной корреспонденціи на всей линіи.

Частныхъ (торговыхъ) и общественныхъ библиотекъ въ Оренбургъ нѣтъ, какъ нѣтъ во всемъ городѣ ни одной книжной лавки. Любители чтенія получаютъ книги за умеренную плату, и то по рекомендаціи изъ библиотеки казачьяго вѣдомства; другіе, какъ члены, пользуются журналами и книгами, выписываемыми въ собраніи и зачитываемыми, разумѣется, къ концу года; остальная же часть довольствуется бесплатнымъ чтеніемъ газетъ въ гостинницѣ Антона Каретникова, гдѣ выписываются: «Голосъ», «Русскій Инвалидъ», «Московскія Вѣдомости», «Искра», «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Иллюстрація», за что нельзя не сказать г. Каретникову полное спасибо.

VI.

Мѣновой дворъ. Картина азіатскаго торго. Мостъ. Уралъ и зауральская роща. Нѣсколько словъ о пожарѣ 1863 года.

Въ подлежащемъ письмѣ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ объ оренбургскомъ мѣновомъ дворѣ. Онъ находится въ трехъ верстахъ отъ Оренбурга, за Ураломъ, въ Киргизской степи и представляетъ обширный четырех-угольникъ, обнесенный высокою каменною оградой, съ выступами на углахъ (*). Внутри двора ведутъ съ противоположныхъ сторонъ двое воротъ: оренбургскія, обращенныя къ городу, и азіатскія со стороны степи. Лавки и пакгаузы расположены въ самой оградѣ и отдѣльныхъ зданіяхъ; входъ въ нихъ со

(*) Эти выступы назначены были въ старину для обстрѣливанія длинныхъ фасовъ ограды, боковымъ огнемъ, или, какъ говорятъ инженеры, для фланкированія фасовъ.

двора. Въ прежніе годы, площадка и лавки были загромождены товарами, но въ послѣднее время, начиная съ прошлаго года, заграничный привозъ сдѣлался весьма незначительнымъ, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій съ Коканомъ и разрыва съ Бухарой.

Прежде бывало приходило сюда до 50 тысячъ верблюдовъ ежегодно. Отличительную особенность оренбургскаго мѣноваго двора, какъ и всѣхъ азіатскихъ рынковъ, составляетъ крайняя неопрятность, которой весьма много помогаютъ еще степные бураны, заносящіе площадку и лавки буквально облаками пыли. Въ лучшее время прибывали сюда товары изъ Китая, Ташкента, Кокана, Хивы, Бухары и изъ Киргизской степи. Важнѣйшіе предметы этой торговли слѣдующіе: скотъ, лошади, сырыя кожи, мѣха; сало; хлопокъ, шелкъ, бумажныя, шерстяныя и шелковыя матеріи, краски, овощи, фрукты и пр. Наиболѣе замѣчательныя въ Оренбургѣ, по азіатской торговлѣ, фирмы купцовъ Дѣевыхъ, Путоловыхъ и др. образовались еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Рассказываютъ за достовѣрное, что лѣтъ тридцать тому назадъ здѣсь существовалъ и тайный торгъ людьми. Несчастныхъ завлекали разными приманками русскіе-же промышленники и потомъ безщадно продавали въ степь, въ рабство, откуда ихъ болѣе уже свободнымъ образомъ перепродавали въ среднеазіатскія ханства.

Проходя подъ навѣсомъ бухарскихъ лавокъ, мы замѣтили нѣсколькихъ киргизокъ, хлопотавшихъ около чего-то въ тѣсной кучкѣ. Оказалось, что онѣ сидѣли, поджавъ подъ себя ноги, и сшивали какія-то лохмотья. Иглы въ рукахъ ихъ были толстыя и грубыя, а нитки ссучивались киргизками тутъ-же, по мѣрѣ надобности, изъ какой-то пряди. Киргизки, кромѣ ихъ неопрятности, весьма не привлекательны, даже безобразны по самому ихъ типу. Узкіе маленькіе глаза, выдавшіяся скулы и загорѣлое до красноты лицо, до крайности грубое, большой ротъ—вотъ портретъ любой киргизки. Только два ряда бѣлыхъ зубовъ, почти всегда оскаленныхъ, поражаютъ своею прелестью, но не гармонируютъ съ общимъ видомъ черномазой степнянки. Нарядъ киргизскихъ женщинъ тоже весьма не затѣйливъ и очень мало разнится отъ мужскаго. Его составляютъ: длинная изъ сереяги или бумажной матеріи рубаха въ родѣ неразрѣзнаго спереди *чапана* (киргизскаго халата), *шелбары* (шальвары, только далеко по своему покрою не турецкія), остроконечные не смазные сапоги и поясъ. Вокругъ головы намотанъ холстъ, не чалмою, а въ видѣ цилиндра, вершка четыре вышины, изъ подъ котораго сзади выходитъ одна или двѣ заплетенныхъ косъ съ разными украшеніями (монетами, мѣдными кружками и пр.). Только по головному убору и можно съ перваго-же взгляда отли-

чить киргизку, потому что, какъ въ лицѣ, такъ и манерахъ ея мало, женственности.

Далѣе мы встрѣтили фактора... Эту обязанность на мѣновомъ дворѣ исполняютъ татары, хотя и не въ той степени искусства, какъ польскіе жида. Тощій, приземистый татаринъ предложилъ намъ свои услуги въ отношеніи выбора товаровъ, и на вопросъ: «гдѣ можно найти хорошіе бухарскіе ковры?» привелъ въ какую-то лавку.

Началось показываніе ковровъ. Сначала разумѣется являлись на сцену малые ковры, потомъ больше, наконецъ показали намъ два ковра, длиною, каждый, аршинъ до пяти и шириною до 2½ аршинъ. Запросная цѣна была 60 рублей за оба.

— А не уступишь-ли? спросилъ мой спутникъ.

— Крайняя цѣна, баринъ, отвѣчалъ бухарецъ по-русски, тѣмъ самымъ акцентомъ, какъ говорятъ татары. Нынче, самъ знаешь, прибавилъ онъ, ковра мало: не тотъ привозъ.

Факторъ, между тѣмъ, исполнялъ свое дѣло: Онъ ахалъ и охалъ, подщелкивалъ языкомъ, какъ бы въ знакъ удивленія, что увидѣлъ такіе хорошіе ковры, и качалъ головою, хвалилъ хозяина лавки намъ, а насъ хвалилъ хозяину, приговаривая, что мы господа хорошіе, что онъ давно насъ знаетъ (а самъ видѣлъ въ первый разъ), что нельзя-ли уступить и проч.

Кончилось тѣмъ, что мы не купили ковровъ, не

потому, чтобы не сошлись въ цѣнѣ ихъ, но по причинѣ изъяна, найденнаго въ одномъ коврѣ. Скажемъ кстати, что настоящіе бухарскіе ковры обыкновенно не отличаются яркостью красокъ и прелестью расунка, какъ англійскіе, но за то они весьма плотны и прочны. На мѣновомъ дворѣ, всѣ ковры почти всегда въ пыли, и потому надо ихъ тщательно выбирать, чтобы не получить ковра, испорченнаго молю, или отъ другихъ причинъ.

Миновавъ рядъ лавокъ, мы вышли опять на площадку. Чего только не было на этой площадкѣ! Бараны, лошади, скотъ, цѣлые штабеля сырыхъ кожъ, наваленные ярусами тюки съ хлопкомъ, толпы татаръ, бухарцевъ, хивинцевъ, русскихъ промышленниковъ, казаковъ, мужиковъ, и проч. Типъ еврея, извѣстно, что всесвѣтный типъ, а потому, не смотря на халатъ и чалму, вы тотчасъ узнаете потомка Израиля, да кому-же и пейсы изъ-подъ чалмы выдають это племя. Впрочемъ, среднеазіатскихъ евреевъ здѣсь немного.

Въ концѣ площадки, близъ азіатскихъ воротъ, разложены были въ нѣсколько рядовъ по землѣ разные товары: холстъ, платки, кушаки, тесемки, простые бумажные халаты, простые ковры, разное (вообще дрянное) оружіе, дешевыя шади, шапочки и многія бездѣлушки, которыя покупають азіатскія женщины для украшенія своихъ шей и косъ. Въ числѣ мелочей, обратили наше вниманіе

сердоликовые и другіе камни, въ видѣ разныхъ привѣсковъ, отличавшіеся правильными и щегольски-отшлифованными гранями. «Золото видно въ грязи», говоритъ пословица, такъ и эти красивыя вещицы, какъ будто, сами высказывали, что онѣ англійскія. И надо-же вѣдь пройти товару изъ Англіи въ Индію, а оттуда чрезъ Гинду-Кушъ, Бухару и всѣ степи, чтобы очутиться въ Оренбургѣ!

На мѣновомъ дворѣ есть таможенная контора и, какъ водится, досмотрщики. Порядокъ видѣнъ, а что главное—нѣтъ здѣсь ни кабаковъ, ни харчевень—этихъ необходимыхъ принадлежностей каждаго большаго рынка. Поэтому, хотя толпа и шумитъ, но изъ торговыхъ расчетовъ, что неизбѣжно при собраніи нѣсколькихъ тысячъ простаго народа, а не подъ вліяніемъ бахуса.

Однакожь, за удовольствіе посмотрѣть мѣновой дворъ, намъ вдоволь пришлось наглотаться пыли. Буранъ былъ сильный въ степи, такъ что на возвратномъ пути мы долгое время не могли видѣть предъ собою города и только уже подъѣзжая къ зауральской рощѣ, могли рассмотреть, что, расположенный на высокомъ берегу Урала со своими церквами и бульваромъ, онъ отсюда красивѣе чѣмъ со стороны самарскаго почтоваго тракта.

Сообщеніемъ чрезъ Уралъ служитъ довольно узкій мостъ на флашкютахъ. Мостъ этотъ уже

довольно старъ, и вмѣсто того, чтобы тратить на содержаніе его ежегодно, какъ намъ сказывали, сверхъ тысячи рублей, слѣдовало-бы выстроить здѣсь постоянный мостъ, съ дамбою на лѣвомъ берегу рѣки. Дамба эта необходима потому, что Уралъ разливается и далеко покрываетъ водою свой низменный луговой лѣвый берегъ.

— И такъ вы можете теперь говорить, что были въ Азіи, сказалъ съ усмѣшкою мой спутникъ, когда мы проѣзжали по мосту.

Я невольно улыбнулся. Дѣйствительно, мы возвращались съ азіатскаго на европейскій берегъ, но какая разница между тѣмъ и другимъ? Правда, тутъ храмы, дома и домишки, но вѣдь это городъ, а если проѣхать вверхъ или внизъ по Уралу, правымъ его берегомъ, гдѣ почти таже степь, такъ кто отличить, гдѣ Азія и гдѣ Европа? Азіатскій характеръ, какъ мы уже замѣтили однажды, начинается еще отъ Самары...

Уралъ разливается обыкновенно въ маѣ, и до возвращенія его опять въ свое русло проходитъ съ мѣсяцъ. Зауральская роща своимъ существованіемъ только и обязана этимъ разливамъ; иначе она бы высохла, сгорѣла отъ лѣтняго зноя. Разливъ Урала составляетъ своего рода эпоху въ жизни оренбуржцевъ, потому что, при скудности развлеченій, постепенно наполняющаяся рѣка даритъ красивое зрѣлище. Многіе, по утрамъ и ве-

черамъ, нарочно прѣзжаютъ на берегъ, чтобы по-смотреть, сколько уже ступенекъ губернаторскаго крыльца покрыто водою, — и затѣмъ спѣшатъ сообщить о томъ, какъ новость.

Но мертвенъ, бездушенъ Уралъ и въ своемъ разливѣ! Это не Волга, гдѣ съ дѣятельностью рѣки соединяется и дѣятельность народная: *блгутъ* (волжское выраженіе) пароходы, несутся всевозможныхъ конструкцій суда и барки, а на многочисленныхъ пристаняхъ кишитъ народъ и кипятъ работы. Уралъ разливается молча, одинъ, какъ будто на что-то дуется: онъ не судоходенъ. Подъ Оренбургомъ на немъ не видно даже и рыбаковъ. Вотъ другое дѣло въ Уральскѣ (250 верстъ ниже)—тамъ Уралъ составляетъ заповѣдную рѣку, но и то уловъ рыбы тамъ стоитъ посмотреть въ декабрѣ или январѣ, когда происходитъ такъ называемое *багренье*. День багренья офиціальны, и о немъ объявляется заранѣе по всѣмъ станицамъ. Въ назначенное время собираются на берегу Урала: высшее начальство войска и всѣ казачьи сословія—старый и малый. Для распоряженія выбирается *атаманъ* багренья—одинъ изъ штабъ-офицеровъ, который въ условный моментъ даетъ знакъ и тогда только толпы казаковъ бросаются на ледъ. Каждый, выбравъ для себя мѣсто по желанію, торопится прорубить ледяной покровъ рѣки и посредствомъ крючьевъ и багровъ вытаскиваетъ одну

за другою громаднхъ рыбъ (осетровъ, бѣлугъ и т. п.). Счастливыцы достаютъ иногда изъ одного прорубя цѣлую груду рыбы, но, вообще сказать, въ накладѣ никто не бываетъ. Способъ багренья основанъ на томъ, что рыба ложится на зиму всегда въ извѣстныхъ мѣстахъ рѣки, которыя подмѣчаютъ и пользуются ими.

Къ уральскому мосту прилегаетъ та часть города, которая называется здѣсь Старой слободкой. Читатели, безъ сомнѣнія, помнятъ еще страшный пожаръ, бывшій здѣсь 1 іюля 1863 года, который спалилъ до тла всю эту слободку. Нынѣ она уже окончательно обстроилась и, какъ всегда бываетъ послѣ пожара, стала лучше прежней, но каменныхъ домовъ почти нѣтъ. Мы слышали, что городъ, въ видѣ вспомошествованія погорѣльцамъ, пожертвовалъ каждому изъ нихъ по сту деревъ и для этого отвелъ верстахъ въ семи за городской чертою, единственную на Сакмарѣ рощу, въ которой, впрочемъ, кривыя, хотя и густолиственные деревья на постройки не годятся.

— Что же вы будете дѣлать съ ними? спросили мы одного изъ погорѣльцевъ.

— Какъ что! Они у насъ уйдутъ на дрова, отвѣчалъ тотъ, а между тѣмъ деньги будутъ въ сбереженіи. На нихъ прикупимъ лѣсу, или что понадобится около дому.

И то правда, подумали мы, но не большую-ли

городъ сдѣлалъ жертву, отдавъ красивую многолѣтнюю рощу на такое незавидное употребленіе, какъ дрова, и тѣмъ лишивъ остальныхъ жителей единственнаго загороднаго пріюта, куда бывало въ лѣтніе вечера ѣздили многія семейства подышать прохлаго чистаго воздуха и выпить стаканъ-другой хорошаго чаю?

VII.

Комитетъ о бѣдныхъ. Участковыя школы, пріюты, призрѣніе убогихъ и леченіе немощныхъ. Размѣры общественной благотворительности въ цифрахъ одного изъ послѣднихъ отчетовъ.

Для вспомошествованія бѣднымъ въ Оренбургѣ основанъ комитетъ, дѣйствія котораго заключаются въ выдачѣ денежныхъ пособій, содержаніи школъ для обученія дѣтей бѣдныхъ грамотѣ, рукодѣльямъ и ремесламъ, содержаніи пріютовъ и въ призрѣніи немощныхъ бѣдныхъ (убогихъ), а также леченіи ихъ. Изъ имѣющагося у насъ подъ рукою отчета за 1864 годъ, мы можемъ сообщить читателямъ слѣдующія небезынтересныя данныя о дѣйствіяхъ комитета въ этомъ году.

Денежныя пособія, согласно уставу общества, были постоянныя—по билетамъ и временныя. Постоянныя производились, по постановленіямъ комитета, на два періода: *съ мая по октябрь*, т. е. на

пять лѣтнихъ мѣсяцевъ, и съ октября по май, или семь зимнихъ мѣсяцевъ.

Касательно назначенія постоянныхъ денежныхъ пособій, комитетъ всегда былъ на сторонѣ убѣжденія, согласно и съ общественнымъ мнѣніемъ, что такія пособія подавляютъ въ неимущихъ энергію къ труду, способствуютъ къ ослабленію частной благотворительности и нерѣдко возбуждаютъ въ народѣ недовѣріе къ пользѣ общества. Но ближайшее ознакомленіе съ обстоятельствами и истинными нуждами нѣкоторыхъ бѣдняковъ убѣдило, однакожь, комитетъ, что не производить совершенно постоянныхъ пособій невозможно, а потому нѣкоторыя временныя пособія были обращены въ постоянныя. Напр., по вызовѣ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ на службу, оставалось нѣсколько семействъ, для которыхъ необходима была постоянная поддержка отъ общества. Также послѣ пожара Старой слободки (громадный пожаръ 1 іюля 1863 года, истребившій всю слободку), оказались многія семейства, совершенно разоренныя, такъ что оставить ихъ безъ постоянной помощи, хотя до извѣстнаго времени, было тоже нельзя. По этимъ и другимъ причинамъ расходъ на постоянныя пособія во всѣхъ шести участкахъ Оренбурга составлялъ въ теченіе года 725 руб. 50 коп.

Расходъ на временныя пособія, отъ 3-хъ до 10 руб. и болѣе каждому лицу, сравнительно съ 1863

годомъ (1,330 р.) былъ менѣе почти на половину, а именно 723 р. 20 к., потому что члены комитета, при ближайшемъ ознакомленіи съ обстоятельствами нуждавшихся, менѣе поддавались обманамъ.

Теперь обратимся къ предмету воспитанія и обученія дѣтей бѣдныхъ.

По тщательномъ разборѣ лицъ, прибѣгавшихъ къ денежнымъ пособіямъ отъ общества, комитетъ пришелъ къ тому убѣжденію, что большинство ихъ впало въ бѣдность собственно отъ непривычки къ труду и отъ безпорядочной жизни. А потому, сокращая, на сколько возможно, денежные выдачи, комитетъ поставилъ себѣ главною задачею предотвратить подобную-же бѣдность въ новомъ поколѣніи, развивая его нравственно и приучая съ малолѣтства къ трудолюбію.

Въ отношеніи мальчиковъ, комитетъ ограничивался только нравственнымъ вліяніемъ и снабженіемъ одеждою бѣднѣйшихъ, дабы доставлять имъ возможность посѣщать приходскія училища грамотности. Попытки помѣщать шатающихся за сборомъ милостыни мальчиковъ къ ремесленникамъ показали самые ничтожные результаты, такъ что изъ помѣщенныхъ въ теченіе двухъ лѣтъ пяти мальчиковъ, принялись за ремесла только двое, да и тѣ не подають большой надежды. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что, при установившемся времени и обстоятельствами осо-

бомъ складѣ низшаго слоя оренбургскаго населенія (гдѣ большинство родителей, не давая никакого воспитанія своимъ дѣтямъ, старается только извлечь изъ нихъ для себя настоящія выгоды), необходимо дать дѣтямъ его нравственное развитіе въ школахъ.

Что-же касается до дѣвочекъ, то, для воспитанія и обученія ихъ, учреждены комитетомъ четыре участковыя школы, при чемъ завѣдывающимъ участками дана въ руководство подробная инструкция, какъ въ отношеніи порядка учебной, такъ и хозяйственной частей. Это распоряженіе, подвергая школы единообразію, даетъ возможность комитету удобнѣе слѣдить за ихъ преуспѣяніемъ и служить легкимъ средствомъ для сравнительной оцѣнки ихъ дѣйствій. Изъ отчета за 1863—64 учебный годъ о состояніи учебной части въ нихъ видно, что въ началѣ этого года было ученицъ 173; въ теченіе года вновь поступило 164; слѣдовательно, въ продолженіе всего года было, въ общей сложности, 337 ученицъ, въ томъ числѣ 25 магометанокъ и 1 еврейка. Изъ нихъ въ томъ же году, по разнымъ обстоятельствамъ, выбыло 86 и затѣмъ къ концу года осталось 251, изъ коихъ на экзаменъ, бывшій въ іюнѣ 1864 года, явилось 178. Успѣхи этихъ дѣвочекъ были различны: изъ нихъ свободно и отчетливо читали 90, выговаривали отдѣльныя слова, не разлагая на слоги 28, разбира-

ли слова по слогамъ 28 и, наконецъ, остальные 32 знали только буквы. Изъ 162 проэкзаменованныхъ дѣвочекъ православнаго исповѣданія знали молитвы, краткія объясненія Символа вѣры, молитвы Господней и дванадцати праздниковъ, а также нѣкоторыя важнѣйшія событія изъ земной жизни Спасителя и Божіей Матери 63. Въ томъ же почти размѣрѣ оказали успѣхи въ своей религіи 15 магометанокъ. Обученіе ариметикѣ заключалось наиболѣе въ ознакомленіи всѣхъ ученицъ со счетомъ чиселъ, въ формѣ самыхъ простыхъ задачъ, взятыхъ изъ общежитія; систематическое-же преподаваніе арифметики производилось только тѣмъ дѣвочкамъ, которыя наиболѣе къ тому были развиты. Таковыхъ было 68. Ихъ познакомили съ нумераціею чиселъ, употребительнѣйшими русскими мѣрами и съ четырьмя дѣйствіями надъ простыми числами, при чемъ главнѣйше обращалось вниманіе на развитіе соображенія ученицъ посредствомъ умственныхъ вычисленій, допуская механическія выкладки на доскѣ и счетахъ въ необходимыхъ случаяхъ. Арифметика вообще преподавалась толково. Изъ вышеозначенныхъ 68 ученицъ, на экзаменѣ оказались съ хорошими успѣхами 56, посредственными 10 и слабыми 2. Сверхъ того, нѣкоторые члены общества занимались въ школахъ изустными бесѣдами съ ученицами изъ исторіи, географіи и естествознанія.

По замѣчанію завѣдывавшего учебною частію въ участковыхъ школахъ, предложено было начальникамъ школъ обратить особое вниманіе на чтеніе дѣтми книгъ церковной печати и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлано распоряженіе о приобрѣтеніи для школъ по нѣскольку экземпляровъ популярныхъ книгъ о естествознаніи, чрезъ чтеніе которыхъ расширялся бы кругъ познаній и возбуждалась бы любознательность ученицъ. Впрочемъ, для этой цѣли уже имѣются въ школахъ по нѣскольку экземпляровъ басенъ и книгъ, присланныхъ комитетомъ грамотности, а также выписывается для каждой школы газета: «Воскресный Досугъ».

Обученіе рукодѣльямъ шло въ участковыхъ школахъ съ неменьшимъ успѣхомъ, чему доказательствомъ могутъ служить постепенно расширяющіеся денежные обороты рукодѣльнаго хозяйства. Средняя сумма выручаемыхъ всѣми четырьмя участковыми школами денегъ не превышаетъ 50 руб. въ мѣсяцъ; но тутъ нельзя не замѣтить, что ограниченность средствъ комитета заставлятъ его часто заботиться о большей выручкѣ этихъ денегъ въ ущербъ качеству самой работы. Притомъ, между низшимъ классомъ Оренбурга много такихъ лицъ, которыя, по крайней своей неразвитости, берутъ своихъ дочерей изъ школъ, не давъ доучиться имъ рукодѣльнымъ работамъ окончательно, — и потому большую пользу отъ этихъ школъ должно ожидать

впослѣдствіи, когда образованіе и нравственное развитіе сдѣлается народною потребностью. Тогда понадобится отъ общества и менѣе денежныхъ средствъ на содержаніе школъ, такъ какъ онѣ будутъ окупаться преимущественно платою за ученіе. Нынѣ же, такъ сказать, въ переходное время къ лучшему, число платящихъ за ученіе къ числу бесплатно учащихся приходится лишь 1: 12; и потому комитетъ, по необходимости, долженъ налегать на большую выручку отъ рукодѣльныхъ работъ. Содержаніе всѣхъ четырехъ школъ обходится до 215 руб. въ мѣсяцъ или до 2,500 руб. въ годъ; слѣдовательно, ученіе каждой дѣвочки стоитъ около 10 руб. въ годъ.

Комитетъ, при учрежденіи участковыхъ школъ, имѣлъ въ виду вводить въ нихъ также постепенное обученіе ремесламъ, какъ то: прачечному, башмачному, а также хлѣбопеченію и огородничеству (былъ основанъ практическій огородъ), но ближайшій опытъ показалъ, что обученіе даже самымъ нетруднымъ ремесламъ можетъ быть введено не иначе, какъ на коммерческомъ основаніи, что несогласно съ учрежденіемъ школъ, основанныхъ на иныхъ началахъ. Поэтому комитетъ, оставивъ участковыя школы исключительно для обученія грамотности и рукодѣльямъ, предположилъ учредить впослѣдствіи отдѣльную ремесленную школу, куда могли

бы поступать лучшія ученицы участковыхъ школъ, по окончаніи курса.

Кромѣ отдѣльнаго пріюта для мальчиковъ и учрежденнаго въ 1864 году пріюта для дѣтей магометанъ, комитетъ содержитъ пріюты для сиротъ и дѣтей, призрѣнныхъ, за распутствомъ родителей, при каждой изъ участковыхъ школъ. Къ 1-му ноября 1864 года на полномъ содержаніи общества состояло такихъ дѣтей и круглыхъ сиротъ 26, въ томъ числѣ 5 мальчиковъ, что обходилось до 130 руб. въ мѣсяцъ или слишкомъ 1,500 руб. въ годъ.

Относительно призрѣнія убогихъ и леченія больныхъ, комитетъ ограничивался ходатайствомъ о помѣщеніи первыхъ въ городскую богадѣльню, по мѣрѣ очищенія въ оной мѣстъ, и вторыхъ въ городскую больницу. По мѣрѣ возможности, чрезъ дѣйствительныхъ своихъ членовъ, онъ помѣщалъ убогихъ у частныхъ людей или оставлялъ ихъ у родственниковъ, восполняя содержаніе ихъ денежными пособіями, постоянными и временными. Для больныхъ бѣднаго званія, пользовавшихся на своихъ квартирахъ, доставлялъ медицинское пособіе безплатно чрезъ медиковъ, состоящихъ въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ общества, съ отпускомъ лекарствъ изъ вольныхъ аптекъ на общественныя суммы.

Вотъ въ общихъ чертахъ обзоръ дѣятельности

общества вспомошествованія бѣднымъ въ Оренбургѣ за 1864 годъ. Такъ какъ отчетъ 1863 года заключенъ былъ къ 1 ноября того года, то къ этому времени наличныхъ суммъ оставалось 1,686 руб. 1 коп. Съ 1 ноября 1863 года по 1 ноября 1864 года вновь поступило:

Пожертвованій	1,703 р. 16 к.
Выручено за карету, пожертвованную Г. З.	150 » — »
Отъ любительницъ спектаклей прошлаго сезона (кромѣ 100 р., вошедшихъ въ прошлый отчетъ)	1,500 » — »
Отъ лотереи—аллегри	1,027 » 40 »
Пожертвованій взаимнъ праздничныхъ визитовъ	212 » — »
Отъ представленій гг. Кроссо и Грингольцъ	96 » 75 »
Въ уплату долговъ отъ частныхъ лицъ	325 » — »
Процентовъ на нихъ	24 » 13 1/2
Въ уплату долга отъ участковыхъ школъ	195 » — »
Отъ двухъ литературныхъ чтеній	3 » 20 »

Итого 5,236 р. 64 1/2 к.

А всего съ прежнимъ остаткомъ 6,922 р. 65 1/2 к. *)

*) Сюда не включаются деньги, выручаемыя руководѣльными работами участковыхъ школъ, такъ какъ онѣ составляютъ собственное хозяйство этихъ школъ.

Съ 1 ноября 1863 по 1 ноября 1864 года израс-
ходовано:

Постоянныхъ ежемѣсячныхъ пособій	725 р. 50 к.
Временныхъ пособій	безвозвратно 723 » 70 » заимообразно 25 » — »
На учебную часть и пріюты . . .	3,749 » 83 »
Въ участковыя школы, заимообраз- но, на поддержаніе рукодѣльнаго хозяйства.	280 » 12 »
На развитіе башмачнаго ремесла .	30 » — »
За медикаменты для леченія бѣд- ныхъ.	58 » 13 »
Въ типографію за отпечатаніе блан- ковъ и отчетовъ	57 » 42 1/2 к.
Всего	5,649 р. 70 1/2 к.

Затѣмъ въ остаткѣ по 1 ноября 1864 года было
1,272 руб. 95 коп.

Этихъ цифръ достаточно, чтобы видѣть, какъ,
при благоразумной распорядительности, не только
можно дать правильное направленіе великому об-
щественному дѣлу—благотворительности, но и рас-
ширять самыя его средства.

Такъ собственно пожертвованій было собрано
лишь 1703 р. 16 коп., тогда какъ главнѣйшую
часть сбора доставили любительскіе спектакли,
лоттерея-аллегри и другія предпріятія, сдѣланныя
по распоряженію комитета, посредствомъ его же
членовъ. Въ этомъ отношеніи примѣръ Оренбурга,

какъ бывшаго уѣзднаго города, лежащаго въ глу-
ши, на границѣ Киргизской степи, не можетъ быть
не поучительнымъ для многихъ нашихъ, даже
великорусскихъ, городовъ, объ общественной бла-
готворительности которыхъ пока еще ничего не
слышно.

VIII.

Кладбища. Годовые праздники и высокаторжественные дни. Встрѣча и проводы Чудотворной иконы Табынской Божіей Матери. Военные празднества. Церемоніалъ внесенія ташкентскихъ знаменъ въ одну изъ церквей. Радостная вѣсть о спасеніи жизни Государя Императора 4 апрѣля 1866 года.

Въ Оренбургѣ два кладбища: христіанское и магометанское (съ частью еврейскаго). Оба они находятся въ сторонѣ Новой слободки, въ разныхъ мѣстахъ, но какъ то, такъ и другое не далеко отъ окраины города. Пожалуй, скажутъ, что мы, по русской пословицѣ, «начавъ за здравіе, свели за упокой». Но не въ томъ дѣло: объ оренбургскомъ православномъ кладбищѣ нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ. Особенность его заключается въ томъ, что на первый взглядъ Божья нива эта кажется какъ-бы усыянною гробами. Что-бы это значило? думаете вы, входя на кладбище: «неужто, въ самомъ дѣлѣ, это все гробы?!» Выходить-

же на повѣрку, что это каменные гробницы, которыя безпорядочно лежатъ на необдѣланныхъ могилахъ. Такихъ гробницъ здѣсь множество и, какъ большая часть ихъ не укрѣплена на мѣстахъ, то и кажутся издали валяющимися гробами. Какъ объяснить это? Что городъ—то норовъ? Нѣтъ, судя по наружному виду и надписямъ этихъ гробницъ, должно полагать, что старина-матушка допускала здѣсь такую патріархальность, вполне надѣясь, что надгробнаго памятника никто не возьметъ, или не переложитъ на чужую могилу. А можетъ быть и то, что при сухомъ песчаномъ грунтѣ кладбища почиталось тогда излишнимъ возводить всякіе фундаменты, цоколи и пьедесталы...

Надъ могилами новѣйшаго времени стоятъ, по большей части, деревянные кресты, каменные памятники изъ гребенскаго камня и маячной плиты, а также чугунные монументы плохой отдѣлки, которыхъ, однакожъ, не много. Кладбище обширно, огорожено каменной стѣной и имѣетъ небольшую каменную церковь во имя Св. пророка Іліи, неподалеку отъ которой выстроены деревянный двухъ-этажный церковный домъ. Но вотъ тоже странность: мѣста, отводимыя для могилъ, находятся въ завѣдываніи городской думы, а не кладбищенскаго начальства. Намъ понадобилось однажды отыскать могилу одного лица, командированнаго въ 1856 году въ Оренбургъ и умершаго

здѣсь въ 1860 году: на кладбищѣ не могли не только указать намъ могилы, но и представить книги, по которой можно было-бы отыскать мѣсто покойника; а на вопросъ: гдѣ-же книга? сказали, что въ городской думѣ. Это, какъ хотите, неудобно, потому что книга, находящаяся не въ рукахъ кладбищенскаго старосты, не можетъ дать точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ отыскиваемой могилы; а это тѣмъ болѣе здѣсь важно, что личный составъ служащихъ въ Оренбургѣ безпрестанно перемѣняется, такъ что въ приводимомъ мною случаѣ не оказалось на лицо никого изъ тѣхъ, кто провожалъ покойнаго до послѣдняго его жилища. Единственный кладбищенскій священникъ* также не могъ помочь намъ въ этомъ случаѣ, ибо обрядъ отпѣванія и напутствіе до могилы совершаются, по большей части, духовенствомъ городскихъ приходовъ; военныхъ-же лицъ—исключительно причтомъ Военно-Петропавловской церкви, какъ и всѣ послѣдующія панихиды и литіи. Хорошо, если на удачу придется обратиться къ тому именно священнику, который провожалъ гробъ до кладбища, и благо, если онъ помнитъ мѣсто отыскиваемой могилы—тогда еще можно какъ-нибудь добиться толку. Въ противномъ-же случаѣ, какъ это привелось намъ, всѣ поиски останутся тщетными. Этимъ обстоятельствомъ объясняется также, почему здѣшніе священники не охотно желаютъ занять мѣсто

при кладбищенской церкви, не приносящей имъ почти никакого дохода.

Магометанское кладбище не обширнѣе христіанскаго, но наружный видъ его лучше послѣдняго, потому что оно обнесено высокимъ, новымъ, каменнымъ заборомъ. Тутъ хоронятъ татаръ, башкиръ, киргизовъ, бухарцевъ и др. магометанъ, умирающихъ въ Оренбургѣ. Покойника, обыкновенно, одѣваютъ въ лучшее платье и укутываютъ въ холстъ. Татъ какъ гробовъ не употребляется, то могильную яму устраиваютъ такимъ образомъ, чтобы земля не давила покойника. Для этого покрываютъ ее накатникомъ, который сверху засыпаютъ землею, или въ боку ямы дѣлаютъ особое углубленіе, гдѣ могъ-бы свободно помѣститься трупъ.

Отъ кладбищъ перейдемъ къ оренбургскимъ празднествамъ. Главные годовые праздники и высокаторжественные дни, празднуемые на всей Руси, сопровождаются здѣсь, кромѣ божественной службы во всѣхъ церквяхъ, божественною литургіею и молебствіемъ, при многочисленном собраніи духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновъ: зимою—въ Введенскомъ кафедральномъ соборѣ, лѣтомъ—въ соборѣ Преображенскомъ. Въ обоихъ случаяхъ божественную службу отправляетъ здѣшній архіерей, епископъ оренбургскій и уральскій (нынѣ преосвященный Варлаамъ). Оба собора,

своею обширностью, чистотою и красотою внутренняго убранства, вполне соотвѣтствуютъ этимъ цѣлямъ. Благолѣпіе архіерейскаго служенія, хорошій протодьяконъ, искусно составленный хоръ пѣвчихъ и парадныя одежды присутствующихъ дополняютъ торжественный видъ. Послѣ молебствія бываетъ обыкновенно церковный парадъ отъ мѣстныхъ войскъ (линейныхъ и казачьихъ пѣшихъ батальоновъ), а въ требуемыхъ случаяхъ производится пушечная пальба изъ орудій мѣстной артиллеріи.

Но говоря объ оренбургскихъ празднествахъ, нельзя умолчать о бываемыхъ здѣсь ежегодно: встрѣчѣ и проводахъ чудотворной иконы Табынской Божіей матери. Это особый оренбургскій праздникъ. Св. икона приносится сюда ежегодно лѣтомъ изъ Табынска (Стерлитамакскаго уѣзда, 270 верстъ отъ Оренбурга) и остается здѣсь цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго переносится изъ церкви въ церковь, начиная и оканчивая Введенскимъ соборомъ, откуда, напутствуемая архіереемъ, сопровождается въ обратный путь. При встрѣчѣ и провожаніи иконы дѣлается, по принятому обычаю, особый нарядъ отъ войскъ, въ полной парадной формѣ, а о многочисленномъ собраніи народа и говорить нечего: тутъ бываетъ не только все населеніе Оренбурга, но множество всякаго званія иногородцевъ, сопровождающихъ иконѣ издалека. Икона эта особенно почитается во всемъ оренбургскомъ краѣ, — и съ

ранней весны до осени путешествуетъ по городамъ и селамъ, всегда сопровождаемая густою массою богомольцевъ. Недавнее чудо, совершенное ею — прозрѣніе слѣпой казачки въ 1863 году, жительницы (понынѣ здравствующей) Новой слободки Оренбурга, строго изслѣдованное и признанное Св. Синодомъ, еще болѣе возвысило святость этой иконы въ глазахъ оренбуржцевъ. Если не ошибаемся, то въ «Православномъ обозрѣніи» за 1863 годъ подробно изложены всѣ обстоятельства чудотворнаго исцѣленія слѣпой казачки.

Изрѣдка бываютъ также въ Оренбургѣ празднества въ честь успѣховъ побѣдоноснаго оружія нашего на отдаленной среднеазіатской границѣ. Оренбургъ, какъ главный правительственный и ближайшій русскій центръ края, обыкновенно первый празднуетъ эти событія, въ тоже время сообщая о своей радости всей Россіи. Такъ напри-
мѣръ, въ прошломъ году, когда были привезены въ Оренбургъ трофеи, отбитые подъ Ташкентомъ, и получено было разрѣшеніе поставить ихъ въ Военно-Петропавловской церкви, церемоніальное внесеніе этихъ трофеевъ (знаменъ) во храмъ было торжественъ и многолюденъ. Процессія отъ генералъ-губернаторскаго дома шествовала по Большой улицѣ, сопровождаемая высшими лицами, войсками и народомъ. Знамена везли казачьи урядники, преимущественно георгіевскіе кавалеры, по два въ рядъ,

а для встрѣчи ихъ вытянуть былъ шпалерами, отъ такъ называемаго въѣзда (на концѣ Большой улицы) Военно-Петропавловской церкви и мимо сей послѣдней, по Петропавловской улицѣ, казачій № 4 пѣшій батальонъ. Знамена сдѣланы изъ дорогихъ азіатскихъ матерій, съ черными и бѣлыми конскими хвостами, на подобіе турецкихъ бунчуковъ.

— Какъ же это, Фатѣевъ, спрашивалъ молодой казакъ своего старика-сослуживца, съ конскими хвостами, таперича, и въ храмъ Божій?... Аль, ничего?...

— Да тебя вотъ не спросили, отвѣчалъ, съ усмѣшкою, сѣдоусый ветеранъ. Какіе тутъ конскіе хвосты? Знамя, значить, облитое святою кровью—святое дѣло! Гдѣ-жъ его и поставить, какъ не въ церкви?

— Но вѣдь онѣ басурманскія...

— Были, да не теперь... Теперь наши!... Вотъ, тепереча, въ Петербургѣ, али въ Москвѣ, сколько тамъ всякихъ разныхъ знаменъ французскихъ, турецкихъ, персидскихъ—всѣ по церквамъ. Ужъ такъ, стало быть, нужно.

— Такъ-съ! Проговорилъ въ раздумьи молодой казакъ, повидимому не совсѣмъ довольный отвѣтомъ стараго служки. Онъ кажется хотѣлъ еще возражать, но процессія появилась уже въ виду

фронта,—и затѣмъ раздавшаяся команда: «смирно!» сковала его совершенно.

Въ заключеніе этого письма скажемъ, что Оренбургъ съ неменьшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ прочіе города Россіи, встрѣтилъ радостную вѣсть о чудесномъ спасеніи обожаемаго Государя отъ убійцы. Вознеся теплое благодарственное молебствіе Царю Царей, отвратившему дерзновенную руку, оренбургскіе граждане привѣтствовали Монарха-освободителя всеподаннѣйшею телеграммою, а виновника общей радости—Осипа Ивановича Коммисарова—Костромскаго, какъ уже извѣстно читателямъ изъ газетъ, единодушно избрали почетнымъ гражданиномъ города Оренбурга.

IX.

Отъ Оренбурга до Троицка. Халатная сторона. Орскъ. Дорога до Верхнеуральска и далѣе. Троицкъ, какъ торговый и промышленный городъ съ его особенностями.

Миновавъ казачій форштадтъ, расположенный на сѣверовосточной окраинѣ Оренбурга, мы выѣхали на Орскій почтовый трактъ. Глухо, пусто, дико и скучно кругомъ этого тракта. Спутникъ мой довольно удачно выразился, сказавъ, что нечего искать чего-либо путнаго въ этой «халатной сторонѣ». Дѣйствительно, ямщикъ въ халатѣ, станціонный смотритель въ халатѣ, станичный неслужащій казакъ въ халатѣ; всюду грязь, бѣдность, дрянныя почтовые клячи: хотъ-бы никогда не ѣздить по орскому почтовому тракту! Изъ любопытства, мы какъ-то разговорились съ однимъ изъ станціонныхъ смотрителей.

— Скажите, хорошо вамъ здѣсь?

— Куды хорошо!... Помилуйте, только изъ насущнаго хлѣба и бьемся!

— А жалованье?

— Велико-ли наше жалованье! Четыре рубля съ полтиною въ мѣсяцъ; какъ хочешь, такъ и живи... Самъ-четверть: жена, да двое дѣтокъ.

— Будто только четырьмя съ половиною рублями вы и обходитесь въ мѣсяцъ?

— Нѣтъ-съ, я говорю-съ, что казенныхъ только-съ 4 р. 50 коп., а то содержатель станціи даетъ отъ себя, значить, три рубля-съ, ну, квартира-съ, свѣтъ, да вотъ-съ за самовары что пожалуютъ проѣзжающіе, но это здѣсь пустое-съ дѣло: трактъ неразгонный...

— Конечно, это не много...

— Да какъ-же-съ, чѣмъ тутъ жить? Вотъ-съ не слышали-ли вы, господинъ, что-нибудь о нашихъ штатахъ? Двадцать лѣтъ ожидаемъ, а все нѣтъ. Еслибъ штаты—другое дѣло! По крайности, тогда не кланялся-бы содержателю станціи и думалъ бы только о томъ, чтобы угодить проѣзжающему... А то, просто, подчасъ мучаешься, не знаешь, что дѣлать. Вѣрите-ли, другой разъ и видишь, что проѣзжающій правъ, требуетъ должнаго, а потрафить ему не въ силу. Скажи-ка содержателю, что двѣ тройки ужъ больно плохи, пора перемѣнить: куды, заартачится такъ, что и мѣста не найдешь... Я тебя, скажетъ, и знать не хочу;

знаю того, съ кѣмъ дѣло имѣю, а ты что? Фря! Мой-же хлѣбъ ѣшь! да и плюнетъ. Такъ вотъ что хотите, то и дѣлайте. Ужъ много видѣлъ я этихъ содержателей-то: былъ на разныхъ трактахъ. Всѣ они на одинъ ладъ; значить и почитаютъ только начальство, а нашего брата ни въ грошъ не ставятъ. Не то было-бы, если-бы намъ шло такое содержаніе, чтобы мы могли жить и не зависѣть отъ содержателей станцій. Зналъ-бы тогда свою обязанность: принять и удовольствоваться проѣзжающаго. А то посмотрите, что зачастую выходитъ... Вотъ, намеренъ проѣзжалъ ночью одинъ важный господинъ. Батюшки мои свѣты, какъ раскричался онъ, когда узналъ, что на станціи нѣтъ лошадей!.. Я ему привожу причину: что вотъ-съ, молъ, такъ и такъ, ваше превосходительство, проѣхалъ султанъ киргизскій, взялъ четырнадцать лошадей, да подъ орскую почту дано двѣ... И слышать не хочетъ!... Я, говоритъ, васъ всѣхъ подъ судъ отдамъ, губернатору буду жаловаться, да и пошелъ, и пошелъ!... Тутъ всполохнулась моя жена въ сосѣдней комнатѣ, проснулись отъ испуга дѣти, а онъ такъ и кричитъ: «чтобы были лошади, знать не хочу!...» Просто, я вамъ скажу: чистый содомъ! Я вижу, что ничѣмъ не могу умиловить его пр-во, схватилъ сальный огарокъ, да выбѣжалъ на дворъ, чтобы послать хотя за обывательскими... Такъ вотъ-съ, каково житіе наше: и днемъ и въ

полночь давай лошадей, откуда хочешь, а нѣтъ, такъ искастятъ тебя, какъ послѣднюю собаку. А виною всему содержатель. Сказывалъ ему, что султану-киргизу нельзя дать всѣхъ четырнадцать почтовыхъ лошадей, такъ какъ онъ ѣдетъ, во 1-хъ по собственной надобности, да и частная, подорожная-то у него только на четверку... Пусть бы припрегъ обывательскихъ, а почтовые были бы въ запасъ про всякій случай, для проѣзжающаго по казенной... Такъ нѣтъ, сдѣлалъ по своему: взялъ съ султана двойные прогоны—и правъ, а нашъ братъ слушай всякія нареканія. Охъ, прибавилъ смотритель со вздохомъ, вѣрно ужъ такъ и умереть, не дождавшись штатовъ!

Въ это время ямщицкій староста, войдя въ избу, сказалъ, что лошади для насъ готовы. Я и мой спутникъ сѣли въ экипажъ и поѣхали далѣе.

Долго у меня вертѣлись въ ушахъ сѣтованія бѣднаго смотрителя. Безвыходность положенія этого труженника вызвала самыя непріятныя мысли. Закутавшись въ шинель, я молчалъ. Пріятель мой не вытерпѣлъ и заговорилъ:

— Чего не услышишь дорогой, особливо на станціяхъ. Семейный человѣкъ, вѣчно на привязи, 4½ рубля въ мѣсяцъ, да какіе-то самовары—фу, какая дребедень! И съ этими словами спутникъ мой завернулся въ шубу.

На слѣдующей станціи, мы встрѣтили тѣже сѣтованія и тѣже халаты.

— Нѣтъ-ли у васъ въ селѣ кузнеца, чтобы перетянуть шину на переднемъ колесѣ тарантаса? спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ... Вотъ пріѣдете въ Орскъ—тамъ перетянуть-съ....

Я вышелъ къ экипажу, около котораго стояла толпа казаковъ-крестьянъ... Разговоръ шелъ, какъ кстати, о переднемъ колесѣ; о немъ, вѣроятно, хлопоталъ не менѣе меня мой Степанъ.

Слышалось съ разныхъ сторонъ, «доѣдетъ, не доѣдетъ—а доѣдетъ; въ Орскъ доѣдетъ—въ Троицкъ не доѣдетъ»—словомъ, повторялась извѣстная гоголевская сцена, что «колесо въ Москву доѣдетъ, а въ Казань не доѣдетъ».

— Странно, станица такая обширная и ни одного кузнеца! сказалъ я, обратясь къ пріятелю.

— Да чего ты хочешь! Халатная сторона, да и только, татарщина, братецъ ты мой! Посмотри, что за лохмотья и рожи... Ты здѣсь хлѣба куска не достанешь... Все нищета, голъ.... Захотѣлъ кузнеца найти! Да зачѣмъ имъ кузнецъ? Лошади степныя не подкованныя, колеса также безъ оковки катаются по этой рыхлой землѣ. Я увѣренъ, что и въ Орскѣ также ты не найдешь кузнеца, который сѣумѣлъ-бы исполнить такую работу, какова перетяжка шины.

Отъ Оренбурга до Орска считаютъ 265 верстъ. Болѣе половины этого разстоянія дорога имѣетъ степной характеръ. Отличительная особенность этой мѣстности—безлѣсье. Верстъ за 50 отъ Орска, дѣлаются замѣтными губерлинскія горы, почернѣвшіе, каменные утесы которыхъ покрыты мхомъ. Быть можетъ, много богатствъ скрыто въ этихъ горахъ, но, какъ видно, рука человѣка еще не касалась этихъ сокровищъ. Наибольшей высоты, футовъ до 300, если не болѣе, достигаютъ онѣ, у такъ называемой губерлинской станціи. За хабарною станціею (слѣдующею за губерлинскою и послѣднею къ Орску) замѣчательно одно ущелье, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ между двумя высокими хребтами. Ущелье имѣетъ прямое направленіе, но какъ на днѣ его расположены, въ недалекихъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ, холмы, то дорога, идущая по этому дну, огибаетъ холмы, чрезъ что ходъ экипажа непрерывно выдѣлываетъ зигзаги, въ видѣ французской буквы S. Ъдутъ, разумѣется, шагомъ, потому что кривизна дороги и множество голышей, валяющихся на днѣ ущелья, препятствуютъ скорой ѣздѣ. По дну струится ручей родниковой воды.

Миновавъ ущелье, вы поднимаетесь въ гору и почти всю дорогу до Орска ѣдете по самымъ высокимъ хребтамъ. При безпрестанныхъ перевалахъ, приходится часто тормозить экипажъ. Опас-

ные края дороги у обрывовъ защищены барьерами. Казалось бы съ такой высоты (сажень 20 — 30), панорама какого-бы то ни было города должна быть живописна, но Орскъ не представляетъ ничего подобнаго.

Орскъ, какъ извѣстно, лежитъ при впаденіи р. Ори въ Уралъ. Онъ былъ прежде крѣпостью, или, правильнѣе сказать, временнымъ укрѣпленіемъ, потому что, судя по остаткамъ прежняго вала и рва, они были полевой (весьма незначительной) профили. Расположенный на холмѣ, Орскъ царитъ надъ степью, и въ старину служилъ сторожевымъ пунктомъ противъ набѣговъ дикихъ и враждебныхъ намъ ордынцевъ. Съ упраздненіемъ крѣпости (въ 1859 году) Орскъ превратился въ станицу, и только въ прошломъ году, съ учрежденіемъ новой оренбургской губерніи, возведенъ въ достоинство уѣзднаго города. Каковъ будетъ Орскъ впослѣдствіи, какъ уѣздный городъ, теперь сказать трудно, но въ настоящее время онъ мало отличается отъ прочихъ станицъ, лежащихъ при почтовомъ трактѣ, и даже въ обстройкѣ своей значительно уступаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ, напр., Верхнеозерной (одной изъ ближайшихъ къ нему). За исключеніемъ казармъ, госпитальныхъ строеній и другихъ зданій военнаго вѣдомства, остальные дома ничто иное, какъ одно-этажныя лачуги, за исключеніемъ весьма малаго числа стро-

еній на площади, которыя еще не городскія. Городское хозяйство, кромѣ городской земли, еще ничего не имѣетъ въ своемъ обладаніи. Единственный Спасо-Преображенскій соборъ—каменный, довольно обширный храмъ, похожій на Введенскій соборъ въ Петербургѣ, принадлежитъ инженерному вѣдомству, которое отпустило на эту постройку въ 1845 году 10 т. рублей, изъ суммъ бывшаго инженернаго департамента, и съ тѣхъ поръ ежегодно ремонтируетъ это зданіе. Городъ неимѣетъ больницы, и нѣтъ удобныхъ помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ; даже пожарный сарай и тотъ состоитъ пока въ военномъ вѣдомствѣ. При такихъ зачаткахъ и бѣдности населеніе, бывшей станицы Орской весьма трудно будетъ выровняться въ городъ, если правительство не поддержитъ этого преобразованія. Мы впрочемъ слышали, хотя не выдаемъ за достовѣрное, что городъ намѣренъ просить объ уступкѣ ему собора, госпиталя и тѣхъ казенныхъ зданій, которыя, за оказывающеюся ненужностью содержать въ Орскѣ постоянно пѣхотный баталіонъ въ полномъ составѣ, можно считать нынѣ излишними. Намъ говорили также о новомъ распланированіи города, съ назначеніемъ новыхъ кварталовъ и улицъ, но исполненіе этого еще въ будущемъ. Важнѣйшіе недостатки Орска—крайняя неразвитость промышленности и нетріятный климатъ. Не говоря о дороговизнѣ различ-

ныхъ предметовъ вседневнаго обихода, выписываемыхъ, большею частію, изъ Оренбурга, въ строительныхъ матерьялахъ здѣсь большой недостатокъ. Лѣсу нѣтъ, кирпичныхъ заводовъ, за исключеніемъ одного казеннаго, и притомъ весьма незначительнаго—нѣтъ, желѣзо только привозится сюда по мѣрѣ требованія—словомъ, для будущей обстройки города, въ этомъ отношеніи, положительное неудобство. Въ климатическомъ смыслѣ, жизнь въ Орскѣ непріятна тѣмъ, что близость степи имѣетъ здѣсь большое вліяніе на состояніе воздуха: ночи бываютъ обыкновенно тихія, но, какъ только настанетъ утро, поднимается сильный вѣтеръ съ бураномъ, наносящимъ лѣтомъ цѣлыя облака пыли, а зимою вздымающимъ снѣгъ, въ видѣ самой сильной мятели. Знойное лѣто, съ мая до глубокаго сентября, и даже иногда до октября; жары достигаютъ до 47 градусовъ въ тѣни. Зима, напротивъ суровая, съ морозами въ 25—30 гр., воздухъ сухой, и постепеннаго перехода отъ зимы къ веснѣ нѣтъ.

Что-же касается до общественной жизни, то она представляетъ въ Орскѣ еще пробѣлъ, какъ и народное образованіе, которое тамъ сосредоточено въ одномъ или двухъ элементарныхъ училищахъ.

Орскъ, какъ мы выше сказали, расположенъ на холмѣ, передъ степью. Видъ отсюда на эту степь—безконечную для взора равнину—даетъ вѣрное

понятіе объ общемъ характерѣ зауральской киргизской степи, простирающейся до сыръ-дарьинскихъ нашихъ предѣловъ. Что вы видите съ орскаго холма, тоже самое почти и далѣе къ югу, за сто, триста и за тысячу верстъ. Это не та степь, которую воспѣлъ поэтъ-прасолъ. Нѣтъ, вы не скажете этой степи, подобно Кольцову: «Ахъ ты, степь моя, степь привольная», потому что она въ большую часть года знойная и невыносимая пустыня.

Отъ Орска до Троицка два пути: одинъ по старой, другой по новой линіямъ. По старой линіи, идущей на Верхнеуральскъ, считается до Троицка 500 верстъ; новою-же линіею, направляющеюся по границѣ съ Западною Сибирью, нѣсколько болѣе, но, какъ почтовый трактъ пролегаетъ по старой линіи, то этотъ путь главный. Тутъ характеръ мѣстности такой-же однообразный, какъ въ началѣ орскаго тракта. Горъ мало. Станціи расположены также въ казачьихъ станицахъ, которыя тянутся вплоть до самаго Троицка. Таже грязь и бѣдность. Во многихъ станицахъ населены татары. Верхнеуральскъ небольшой заштатный городъ, на сѣверной оконечности орско-троицкаго тракта. Отъ Верхнеуральска дорога поворачиваетъ на востокъ. Въ небольшомъ промежуткѣ этомъ (180 верстъ) начинаютъ показываться перелѣски, а за двѣ станціи до Троицка, по краямъ дороги, тянут-

ся березовыя рощи, впрочемъ, достаточно уже порубленные.

Послѣ такой скучной и утомляющей однообразіемъ дороги, Троицкъ представляетъ отрадное явленіе. Это довольно чистый городъ, правильно распланированный и оживленный. Каменный православный соборъ, три мечети съ минаретами, гостинный и мѣновой дворы, дѣвичій монастырь, съ вново строящимся каменнымъ, красивымъ храмомъ—вотъ главнѣйшія его примѣчательности.

Въ Троицкѣ торговля и промышленность болѣе развиты, не только, чѣмъ въ Орскѣ, но даже, чѣмъ въ Оренбургѣ. Торговля сношенія съ Средней Азіей и золотыя прииски—важнѣйшія занятія здѣшнихъ капиталистовъ. Здѣсь много домовъ, такъ называемыхъ *особняковъ*, владѣльцы которыхъ устроили ихъ со всѣми прихотями, каждый по своему вкусу. Дома эти, большею частію, одноэтажные, но по истинѣ богатые дома, хотя нѣкоторыя причуды внутри ихъ до того утрированы, что кажутся смѣшными.

Мы остановились въ домѣ купчихи Т. Первое, что удивило насъ, при входѣ на парадный подъѣздъ—это деревянная, размалеванная, вышиною въ человѣческій ростъ, топорной работы кукла, изображающая арапа, съ позолоченою булавою, какъ у швейцаровъ. Арапъ поставленъ въ сѣняхъ, и производитъ крайне непріятное впечатлѣніе на

входящихъ, не потому, собственно, что онъ арапъ, а что владѣлецъ дома безпощадно испортилъ имъ свои свѣтлыя и широкія сѣни. Пришла-же фантазія выкинуть такую штуку—поставилъ безобразную куклу и для чего? Ужъ не для пущей-ли важности, поддѣлываясь подъ причуды прежняго барства, т. е., если нѣтъ живаго швейцара, такъ пусть стоитъ хоть кукла. Или это насмѣшка хозяина надъ прежнимъ барствомъ?

Войдя въ квартиру, мы нашли хорошую переднюю, изъ которой одна дверь въ кабинетъ, другая въ залъ. За заломъ гостиная, потомъ столовая, буфетъ и семейныя комнаты: спальня, дѣтская и проч. Говорятъ: «скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу тебѣ, кто ты». Если, по этимъ признакамъ, можно узнать чѣловѣка, то по обстановкѣ квартиры едва-ли не вѣрнѣе разгадать ея хозяина. Вотъ, напримѣръ, въ залѣ, хорошо меблированномъ, стоитъ въ футлярѣ изъ краснаго дерева органъ: ну и довольно—значить, хозяинъ дѣйствительно былъ купецъ стараго закала. На стѣнахъ, рядомъ съ семейными фотографіями, развѣшено нѣсколько картинъ... И тутъ видно, что хозяинъ не былъ знатокъ живописи, какъ не былъ никогда, даже въ душѣ, музыкантомъ, а навѣсилъ разныхъ картинъ для того, чтобы закрыть ими пустыя стѣны и, какъ водится, заклеилъ ихъ въ широкія золотыя

рамы. Поднимите глаза къ потолку: лѣпной карнизъ; онъ дорогъ, но тяжелъ и безобразитъ комнату, а арка входной двери, въ гостиную, пересѣкаетъ его, на бѣду, верхнею частью своей дуги... Подойдемте теперь къ подзеркальникамъ и столикамъ, стоящимъ у стѣнъ. Какія дорогія, какія красивыя вещицы разставлены на нихъ: малахитовыя вазы, топазовыя канделябры, яшмовые подсвѣчники, пепельницы и лоточки изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ; а вотъ въ углу гостиной гора: чего тутъ нѣтъ! Кажется, всѣ минералы богатаго Уральскаго хребта собраны здѣсь и между ними не мало самородковъ золота. Даже золотой промытый песокъ—и тотъ тутъ! Кто-же былъ хозяинъ? На повѣрку выходитъ, что онъ былъ золотопромышленникъ.

Золотопромышленниковъ въ Троицкѣ много, но не всѣ, разумѣется, одинаково счастливы пріисками.. Не одинъ также, подобный описанному нами, домъ особнякъ вы встрѣтите здѣсь съ богатымъ внутреннимъ убранствомъ и странной безвкусицей. И владѣльцы домовъ, кажется, также особняки, т. е. живутъ каждый особенно. Это можно видѣть изъ того, что, при 22,000 жителей, въ Троицкѣ нѣтъ ни одной гостиницы, ни одной булочной. О собраніи, театрѣ, книжныхъ лавкахъ, библіотекахъ и говорить нечего—ихъ нѣтъ. Изъ этого можно

заклѣчить, что нѣтъ и общественной жизни въ Троицкѣ, а живутъ кружками въ совершенной замкнутости... Нечего слѣдовательно и удивляться, что пріятель мой, не разъ бывавшій въ этомъ краѣ, называетъ его „*халатною*“ стороною.

Х.

Отъ Оренбурга въ фортъ Александровскій. Земля Уральскаго казачьяго войска. Гурьевъ-городокъ. Подробности объ Александровскомъ фортѣ.

Отъ Оренбурга въ фортъ Александровскій почтовый трактъ пролегаетъ черезъ знакомую, уже читателямъ станицу Оренбургскаго казачьяго войска Татищево, потомъ, на станицу Нижнеозерную, за которою входитъ въ землю уральскихъ казаковъ. Отсюда вплоть до самаго Гурьева-городка (717 верстъ), дорога идетъ правымъ берегомъ Урала чрезъ обширныя и населенныя станицы. Изъ городовъ встрѣчается на пути только одинъ Уральскъ—старинный казачій городъ, достаточно обстроенный и довольно оживленный. Станціи на этомъ трактѣ, какъ и вездѣ: одного проѣзжающаго везутъ безъ задержки, другому выпадаютъ на долю остановки и плохія лошади. Большаго разгона, впрочемъ, нѣтъ, а потому больше приходится

ѣхать безъ препятствій. Станицы—тѣ же селенія; гдѣ большая часть казаковъ занимаются сельскимъ хозяйствомъ, рыбнымъ, солянымъ и другими промыслами, торговлею и мелкою промышленностью. Въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ существуетъ старинное обыкновеніе, такъ называемая *наемка*, въ силу которой казаки, отправляющіе военную службу, составляютъ особый классъ, находящійся на иждивеніи прочаго населенія. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о наемкѣ, но достаточно сказать, что она, давая средства къ развитію народнаго благосостоянія, т. е., не отзывая отъ полей и лавокъ людей зажиточныхъ и склонныхъ болѣе къ коммерческимъ занятіямъ, чѣмъ военнымъ, доставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность имѣть всегда наготовѣ отборное, конечно въ смыслѣ иррегулярной кавалеріи, войско, въ которомъ ни одинъ казакъ не знаетъ никакихъ другихъ заботъ, кромѣ упражненій въ казацкой удали. Уралъ съ его несмѣтнымъ числомъ всякой рыбы (осетры, стерляди, бѣлуга, севрюга, судакъ и пр.), соляные озера на киргизскомъ берегу, какъ напр. Индерское, Челкаръ и др., обширныя поля, звѣриная ловля и бой тюленей въ Каспійскомъ морѣ—вотъ неисчерпаемые источники богатства Уральскихъ казаковъ. Да впрочемъ, кто не знаетъ о томъ, что рыбой, балыками и икрой уральцы торгуютъ на всю Россію! Однакожь, да не при-

мутъ этихъ строкъ за одно только восхваленіе земли Уральскаго казачьяго войска. Тамъ, какъ и вездѣ, есть, разумѣется, свои темныя стороны домашняго и общественнаго быта, свои недостатки, свои лишенія и т. п. Только общія реформы, созидаемыя теперь въ нашемъ отечествѣ, могутъ вывести эту страну на прямой путь, потому что во всякомъ государствѣ, чѣмъ меньше отдѣльныхъ народностей и сословныхъ привилегій, тѣмъ общнѣ національность самаго народа и тѣмъ удобнѣ управлять имъ. Скажу другими словами, что, безъ сомнѣнія, придетъ то время, когда и уральскіе казаки, подобно другимъ своимъ одноплеменникамъ, т. е. казакамъ-же, сольются съ общимъ населеніемъ Имперіи на одинаковыхъ правахъ и обязанностяхъ.

Послѣдній пунктъ на Уральскомъ трактѣ—это Гурьевъ-городокъ, лежащій при Каспійскомъ морѣ, съ пристанью и таможенною заставою. На Гурьевъ когда-то шла большая часть хивинскихъ каравановъ, направляющихся въ Россію чрезъ Усть-Уртъ (перешеекъ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями), но въ послѣдствіи этимъ путемъ, тревожимымъ туркменскими шайками, была предпочтена дорога степью на Оренбургъ. Впрочемъ, и теперь въ Гурьевъ приходятъ еще караваны изъ Хивы.

Переѣздъ отсюда въ фортъ Александровскій производится на большихъ лодкахъ, или на компаней-

скомъ пароходѣ (Общества «Кавказъ и Меркурій»), который, однакожъ, заходитъ въ Гурьевъ въ условное время. Переѣздъ моремъ не представляетъ ничего особеннаго, кромѣ его пустынности.

Фортъ Александровскій существуетъ съ 1846 года. Онъ построенъ на высокой каменной грядѣ у Тюбъ—Караганскаго мыса и со стороны моря представляетъ красивый видъ. Цѣль основанія этого форта заключалась какъ въ томъ, чтобы имѣть опорный пунктъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, такъ и для уменьшенія морскихъ разбоевъ, производившихся туркменами. Сначала фортъ былъ значительно меньше, но въ 1863 году расширенъ до нынѣшнихъ своихъ предѣловъ. Однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, внутренность его не велика и наполнена различными постройками, частію деревянными, частію-же изъ мѣстнаго известковаго камня, твердѣющаго на воздухѣ. Будучи только что отломленъ отъ скалы, камень этотъ мягокъ, легко распиливается на куски, а потому удобенъ для отдѣлки въ желаемыхъ фигурахъ, но, отъ присутствія въ немъ значительнаго количества мергеля, вывѣтривается и портится на воздухѣ.

Гавань Александровскаго форта представляетъ хорошую и закрытую отъ вѣтровъ стоянку, но какъ дорога въ фортъ поднимается по крутости берега зигзагами, то разстояніе отъ крѣпостныхъ воротъ до гавани будетъ около 3 верстъ. Поверх-

ность бухты, занимаемой гаванью, имѣетъ до 27,000 кв. саж., наибольшая глубина въ ней воды 9 саж., наименьшая 3 саж. Гавань покрывается льдомъ, но вообще морозы здѣсь умѣренные и зима не продолжительна, такъ что, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, замерзаніе и вскрытіе прибрежныхъ водъ происходило среднимъ числомъ между половиною декабря и исходомъ февраля. Ледъ простирается въ море до 3, иногда до четырехъ верстъ, доходя въ своей толщинѣ до 6 вершковъ. Входъ въ гавань означенъ двумя маяками: одинъ при поворотѣ въ бухту, а другой на оконечности Тюбъ-Караганскаго мыса. Башня сего послѣдняго возвышена надъ уровнемъ моря на $565\frac{1}{2}$ фут. и видна издалика. Широта этого маяка $40^{\circ} 36' 16''$ N, долгота $50^{\circ} 18' 27''$ O—отъ Гринича. Освѣтительный аппаратъ Френеля 2 разряда. Замѣчу кстати, что маякъ этотъ совершенно новое зданіе, открытое съ 12 окт. 1863 года.

Бдущіе въ фортъ изъ Оренбурга на службу получаютъ двойные прогоны; назадъ же прогоны ординарные. Жить въ фортѣ, — хотя бы я не говорилъ вамъ, но вы сами можете заключить по его отдаленности, — скучно; развлеченій, кромѣ семейныхъ кружковъ (да и тѣхъ мало), нѣтъ. Лѣтомъ еще прогулки къ гавани даютъ возможность какъ нибудь убить время, но зимой положительная замкнутость...

Около форта, съ 1849 года, основанъ поселокъ, подъ названіемъ Николаевской станицы. Нынѣ въ немъ считается всего до 50 семействъ (192 муж. пол. и 162 жен. пола). За непроизводительностью почвы, главные занятія поселенцевъ—рыбная ловля и бой тюленей, но и тѣ, нельзя сказать, чтобы были въ цвѣтущемъ состояніи, не смотря на то, что, съ 1852 по 1853 годъ, поселенцамъ былъ предоставленъ исключительно, въ видѣ привилегіи, для производства этихъ промысловъ, весь Тюбъ-Караганскій заливъ. Скотоводство ничтожное, необходимое лишь для домашняго хозяйства. Топлива и сѣна нѣтъ во всей окрестности, а потому таковыя, какъ и хлѣбъ, привозятся изъ Астрахани. Торговля въ младенчествѣ и притомъ больше мѣновая съ кочующими племенами, причемъ поселяне Николаевской станицы вымѣниваютъ избытокъ своей рыбы на разныя мелочи у киргизъ.

XI.

Отъ Орска до форта № 1. Степной почтовый трактъ. Степныя укрѣпленія. Пески Кара-Кумъ. Почтовые курьеры въ степи. Скорость почты изъ Оренбурга чрезъ киргизскую степь. Фортъ № 1.

Для читателей, незнакомыхъ вовсе съ Оренбургскимъ краемъ, не лишнимъ будетъ сказать, что Оренбургъ и Орскъ (бывшія крѣпости) лежатъ на такъ называемой старой Оренбургской линіи, которая проходитъ чрезъ Верхнеуральскъ на Троицкѣ. Новая-же Оренбургская линія идетъ отъ Орска по границѣ съ киргизскою степью, чрезъ упраздненныя укрѣпленія: Императорское, Наслѣдника и далѣе, по р. Тогузаку, до Звѣриноголовской станицы, за которою начинается уже граница западной Сибири. Дорога изъ Оренбурга въ Орскъ, извѣстная уже читателямъ, пролегаетъ по старой линіи.

Бдущіе изъ Оренбурга, или, какъ здѣсь гово-

рятъ, «сѣ мѣи» въ степь по казенной надобности, получаютъ до Орска прогоны ординарные, а отъ Орска въ степь — двойные. Сверхъ того, переѣздъ за линію даетъ служащимъ право на полученіе подъемныхъ денегъ и усиленнаго оклада жалованья. Возвращающимся изъ степи выдаются съ мѣста ординарные прогоны, но усиленное жалованье сохраняется до самаго приѣзда на линію, т. е. въ Орскъ, гдѣ особо назначенный чинѣвникъ выдаетъ проѣзжимъ свидѣтельства, что такое-то лицо тогда-то прибыло изъ степи въ этотъ городъ.

Переѣхавъ Уралъ у Орска, вы уже въ степи... въ Азіи. Одинокій тарантасъ вашъ, какъ корабль, движется среди безбрежной пустыни. Картина одна, что направо — что налѣво: степь... Только небесный сводъ здѣсь кажется необъятнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ заселенномъ мѣстѣ, потому что горизонтъ для взора открытъ со всѣхъ сторонъ. До перваго степнаго укрѣпленія — форта Карабутака — всего восемь станцій (21 $3/4$ версты); вотъ онѣ: Токанъ (27 вер.), Истенись (32 $1/2$ вер.), Аратъ-Тюбя (25 $1/2$ вер.), Сары-Камышъ (36 $1/2$ вер.), Бугаты-Сай (22 вер.), Дажды (19 вер.), Басъ-Карабутака (28 $1/2$ вер.) и фортъ Карабутака (20 вер.). Везуть не дурно; плата прогоновъ, для ѣдущихъ по казенной подорожной по 1 $1/2$ коп. за версту и лошадей; со всѣхъ прочихъ лицъ положено взимать по 2 $1/2$ коп. съ версты и лошади.

— Вотъ-съ, началъ ямщикъ, кажись, киргизская земля, а не то совсѣмъ, что было здѣсь съ десятокъ лѣтъ тому назадъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Да какъ-же-съ! Бывало съ линіи шагу не смѣй сдѣлать,—сейчасъ на арканъ подцѣпять разбойники-киргизы. А теперь смирно и тихо, поѣзжай хоть одинъ вплоть, до самой Казалы (форта № 1). И киргизы не тѣ, что были... Знать время все ломитъ.

— Ты здѣшній?

— Точно такъ-съ: прилинейный... Прежде вотъ и почтовой гоньбы не было... Почта завелась здѣсь недавно, всего за годъ предъ тѣмъ какъ сократили въ войскахъ срокъ службы...

— Въ 1858 году?

— Вѣрно-съ! Это было весной 1858 года, при генералѣ Катенинѣ... Сначала почты ходили только до Уральска (Уральскаго укрѣпленія), а при генералѣ Безакѣ, вотъ-съ, протянули ихъ и дальше, до самой, значить, Казалы...

Дѣйствительно ямщикъ говорилъ правду... Только первоначально отъ Орска до Уральскаго укрѣпленія почтовые станціи содержались киргизами, которые обязывались имѣть по 3 пары лошадей, за 185 руб. на каждую лошадь, и возить за прогоны по 1½ коп. за версту и лошадь. Станціонныхъ домовъ не было. Ихъ замѣняли киргизскія кибит-

ки. Небольшіе почтовые домики, которые теперь вы встрѣтите на станціяхъ отъ Орска до Уральскаго укрѣпленія, выстроены въ 1862 году при генералъ-адъютантѣ Безакѣ. Общій почтовый расходъ по тракту простирался въ этомъ году до 21,000 рублей. Учрежденіе орско-казалинскаго тракта почтовому департаменту не подвѣдомственно, и находится въ прямой зависимости отъ оренбургскаго генералъ-губернатора.

Карабутакскій фортъ стоитъ на высокой скалѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Карабутакъ. Онъ построенъ въ 1848 году и, подобно другимъ укрѣпленіямъ, находящимся внутри степи, имѣетъ значеніе этапнаго пункта. Стѣны его построены изъ дикаго камня, залежи котораго тянутся по берегамъ рѣчки Карабутакъ. Мѣстность около форта пустынна, но наружный видъ укрѣпленія красивъ. Немногочисленные внутри его строенія возведены частью изъ такого же камня, какъ и стѣны, частью же изъ воздушныхъ кирпичей и привознаго лѣса. Въ 1849 году была сдѣлана попытка основать при фортѣ русскій поселокъ,—и съ этой цѣлью поселено 4 семьи оренбургскихъ казаковъ. Нынѣ изъ нихъ осталось только двѣ семьи, составляющихъ 9 душъ мужскаго и 7 женскаго пола. Хлѣбопашество не развито, но причина этому не въ одной неудобной мѣстности, а болѣе въ лѣни самихъ поселянъ, которые предпочитаютъ мелкое торго-

пшеничество съ киргизами и другіе болѣе легкіе способы прокормленія тяжелымъ трудамъ землѣдѣльца. Изъ имѣющихся у насъ подъ рукою статистическихъ цифръ приведемъ для примѣра 1857 и 1862 годы. Въ 1857 году всего занято здѣсь было подъ пашни $11\frac{1}{2}$ десятинъ, на которыхъ посѣяно 115 пудовъ, а урожай былъ 1000 пудовъ. Въ 1862 году 8 десятинъ, при 80 пудахъ посѣва, дали только 180 пудовъ. Близко этого послѣдняго размѣра результатъ хлѣбопашества держится и теперь. Слѣдовательно, трудъ, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ здѣсь добыть болѣе, чѣмъ *восемь* зерно, тогда какъ, при нерадѣніи, получается лишь съ небольшимъ *самъ-другъ*. Скотоводство карабутацкихъ поселенцевъ незначительно: около десятковъ двухъ лошадей, сколько-же рогатаго скота и нѣсколько овецъ. Внутри форта не большой гарнизонъ, и общества почти никакого нѣтъ.

За фортомъ Карабутакъ почтовый трактъ идетъ по направленію р. Иргиза. До Уральскаго укрѣпленія, считается $182\frac{1}{4}$ версты, которыя распределены между семью станціями слѣдующимъ образомъ: Чулакъ-Кайракты— $32\frac{1}{2}$ вер., Кумъ-Сай $25\frac{1}{4}$ вер., Карай-Сай— $26\frac{3}{4}$ вер., Сырами $32\frac{1}{2}$ вер., Кизиль-Яръ— $30\frac{1}{2}$ вер., Бузь-Гумерь— $14\frac{3}{4}$ вер., и Уральское укрѣпленіе—20 верстъ.

Опять степь: душно, пыльно, жарко. Запасли-

вый проѣзжающій, обыкновенно, ѣдетъ съ весьма разнороднымъ багажемъ. Кромѣ самовара, который составляетъ необходимѣйшую потребность въ степи, берутся съ собою всякаго рода консервы и хлѣбъ, преимущественно въ сухомъ видѣ, потому что на станціяхъ нельзя ничего достать. Даже вода—и та везется съ собою въ боченкахъ. Мы знали одного офицера, который, въ случаѣ перѣзда чрезъ степь зимою или осенью, бралъ всегда въ тарантасъ—миньютюрную переносную печь, и говорилъ, что возня съ нею въ дорогѣ вполнѣ вознаграждается тѣми удобствами, какія она доставляетъ. Впрочемъ, для людей, привыкшихъ къ степнымъ поѣздкамъ, весь путь отъ Орска до Уральскаго укрѣпленія кажется вовсе не затруднительнымъ. Фортъ Карабутакъ и Уральское укрѣпленіе, столь близкіе между собою, даютъ возможность остановиться, сытно пообѣдать и хорошо отдохнуть... Кому-же нѣтъ недостатка ни въ водѣ, ни въ углѣхъ для самовара, и можно кое-что получить изъ сѣстнаго для дороги впередъ. Скучно только, подчасъ даже очень скучно, но не для ѣдущихъ въ виду какихъ-либо выгодъ, или вдвоемъ. Правда, однообразіе окрестностей надоѣдаетъ послѣ первыхъ двухъ-трехъ станцій, но необходимость заглушаетъ всякій душевный ропотъ, и по неволѣ дѣлаешься доволенъ хотя тѣмъ, что все кругомъ тихо и спокойно.

Уральское укрѣпленіе находится также на возвышенной мѣстности, на правомъ берегу Иргиза. Оно построено въ 1845 году (вслѣдствіе бунта въ степи султана Кенисары Касимова) мѣстами изъ воздушнаго кирпича, мѣстами-же изъ сырца и дерна. Внутреннія постройки изъ тѣхъ-же матеріаловъ, за исключеніемъ деревянныхъ частей, лѣсъ для которыхъ привезенъ съ линіи и изъ Наурзумскаго бора (чрезъ Оренбургское укрѣпленіе за 200 верстъ отъ сего послѣдняго). Небольшая постоянная здѣсь церковь очень ветха.

Мѣстность, окружающая Уральское укрѣпленіе, бесплодна,—и къ этому неудобству присоединяется еще недостатокъ хорошей воды. Въ Иргизѣ вода солонватая, а потому для питья берутъ воду въ самомъ укрѣпленіи, изъ двухъ колодцевъ, которые, при значительной глубинѣ, довольно, однакожь, мелки. Въ топливѣ также скудость: жгутъ кизякъ (навозъ, прессуемый въ видѣ кирпича), камышъ и чагырь (родъ полыни), вырывааемый, для увеличенія количества, съ корнемъ.

При укрѣпленіи находится небольшой поселокъ, всего 13-ть семействъ оренбургскихъ казаковъ (55 муж. и 46 душъ женскаго пола). Сельское хозяйство этихъ поселянъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Хлѣбопашествомъ они почти не занимаются, да и огородничество не производится здѣсь, по причинѣ соленой воды въ Ир-

гизѣ. Даже подножнаго корма для скота крайне мало и, для сѣнокоса, приходится ѣздить за нѣсколько верстъ. Къ этимъ мѣстнымъ неудобствамъ должно прибавить и лѣнь самихъ поселянъ, которые, подобно поселянамъ Карабутакскаго форта, занимаются больше мелкимъ торгомъ съ киргизами. Мѣновая торговля Уральского укрѣпленія производится русскими прикащиками и составляетъ годовой оборотъ до 150,000 рублей, включая въ это число и сосѣдніе киргизскіе аулы. Сущность этой торговли заключается въ вымѣниваніи разныхъ маруфактурныхъ издѣлій, на барановъ, сало, кожи, мягкую рухлядь и пр. Что-же касается до потребностей гарнизона, то русскіе купцы какъ-то мало обращаютъ на этотъ предметъ вниманія, такъ что въ иной разъ привезутъ сюда кое-что, а въ другое время здѣсь трудно достать даже необходимое. Поэтому сахаръ иногда доходитъ до 20 р. за пудъ, тогда какъ въ Оренбургѣ онъ стоитъ десять-двѣнадцать рублей, простой табакъ (мохорка) до 6 рублей, сальныя свѣчи до 7 рублей и т. п.

Жить въ Уральскомъ укрѣпленіи не только скучно, но и несносно. По причинѣ песчаной мѣстности, лѣтніе бураны непрерывны и до того сильны, что заносятъ даже рвы укрѣпленія болѣе, чѣмъ на половину ихъ глубины. Замкнутость полная, и общества почти никакого нѣтъ. Ко всему

этому должно прибавить и гигиеническія неудобства. Отъ соленой воды Иргиза и отъ другихъ мѣстныхъ климатическихъ причинъ, происходитъ то, что гарнизонъ ежегодно переболѣетъ до половины всего числа людей, но смертность довольно умеренна, такъ что составляетъ—отъ одного до двухъ процентовъ въ годъ. Къ числу постоянно господствующихъ здѣсь болѣзней должно отнести: лихорадки, воспаленіе глазъ (зимою чрезъ отраженіе солнечныхъ лучей отъ снѣга, а лѣтомъ отъ пыльных бурановъ), катарръ легкихъ, переходящій иногда въ хроническое состояніе (отъ постоянной сухости воздуха), сифилисъ, особенно страшный между киргизами, и сибирскую язву, имѣющую, однакожъ, болѣе спорадическій характеръ.

Отъ Уральскаго укрѣпленія до форта № 1 14 станцій: озеро Джалангачъ—20 верстъ, Китый-Куль—18 вер., рѣка Джаловли—36 верстъ, колодцы: Терекли—30 вер., Джулюсь—17 вер., Кара-Кудукъ—18 верстъ, Дунгурлюкъ-саръ—30 вер., Куль-Кудукъ—26 вер., Алты-Кудукъ—17 вер., Акъ-Джулпасъ—22 вер., Саппакъ—28 вер., озера: Камышлы-Башъ—28 вер., Бакбау или Джалтырь-Куль—34 вер. и фортъ № 1—22 версты, всего 346 верстъ; но измѣреніе это должно принимать не за точное, а приблизительное, согласно которому даются прогоны.

Этотъ путь не то, что предыдущій. Станціон-

ныхъ домовъ здѣсь нѣтъ, а вмѣсто ихъ, на мѣстахъ вышепомянутыхъ станцій, поставлены киргизскія кибитки (*). Почтъ-содержатели—киргизы. До 1862 года, когда не было здѣсь вовсе почтоваго сообщенія, всѣхъ слѣдовавшихъ въ сыръ-дарьинскіе форты, отправляли на верблюдахъ.

Мѣстность отъ Уральскаго укрѣпленія начинается отлогимъ скатомъ, который впадаетъ въ пески Аиръ-кызыль-кумъ. Потомъ слѣдуютъ пески Иргизъ-кумъ, далѣе мѣстность переходитъ въ нѣсколько всхолмленную глинисто-песчаную почву и, наконецъ, открываются обширныя (до 200 верстъ протяженія съ сѣвера на югъ) пески Кара-Кумъ, по западной окраинѣ которыхъ пролегаетъ дорога въ фортъ № 1, а по восточной—въ фортъ Перовскій. Растительность всюду бѣдна, а въ пескахъ и еще меньше. Кромѣ озера Джалангачъ, на первой станціи въ виду киргизскаго кладбища, хорошей воды нигдѣ болѣе нѣтъ, и далѣе достаютъ воду изъ колодцевъ (по-киргизски *кудукъ*).

Пески Кара-Кумъ бугристы и покрыты барханами (разной величины холмами). Переѣздъ чрезъ Кара-Кумъ считается затруднительнѣйшимъ на всемъ трактѣ. Дѣйствительно, лѣтомъ, когда пески болѣе сыпучи, чѣмъ въ сырую осень, колеса

(*) Обширныя, обтянутыя кошмами (войлокомъ) коническаго вида палатки.

вязнуть въ нихъ, и отъ горячаго состоянія самыхъ песковъ, нагрѣтыхъ палящимъ солнцемъ, разсыхаются и разваливаются, а потому требуютъ частой поливки ихъ водою. Въ сильные жары—въ песокъ можно испечь яйцо, а босой ногой нельзя до него прикоснуться. Совсѣмъ тѣмъ, однакожъ, переѣздъ чрезъ Кара-Кумъ въ хорошемъ крытомъ экипажѣ (здѣсь обыкновенно предпочитаютъ тарантасъ съ каретнымъ кузовомъ, обтянутымъ парусиной), при казачьемъ конвоѣ (который дается не столько для защиты, такъ какъ въ степи тихо, сколько для поданія помощи почтовымъ лошадямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда завязнетъ экипажъ), съ достаточнымъ запасомъ провизіи и воды не кажется такъ уже труднымъ, какъ обыкновенно представляютъ его многіе крикуны.

Кромѣ однообразія окрестностей, наводящаго скуку, случаются, впрочемъ, на этомъ трактѣ разныя непріятности. Напримѣръ, входя въ станціонную кибитку, вы находите ее пустою, а станція *по формѣ*, то есть всѣ почтовые правила и объявленія развѣшены въ ней порядкомъ.

— Гдѣ же станціонный смотритель?

— Надо обождать, ваше высокоблагородіе, отвѣчаетъ конвойный казакъ, съ увѣренностью бывалаго человѣка. Вотъ киргизъ-содержатель увидитъ экипажъ и пригонитъ сюда лошадей.

Такъ проходитъ ея часъ и болѣе, пока приска-

четъ изъ степи киргизъ. Освѣдомившись, сколько нужно лошадей, онъ отправляется ловить ихъ, въ пасущемся неподалеку табунѣ, арканомъ. Еще проходитъ нѣсколько часовъ въ ожиданіи... Наконецъ, лошади приведены, запрягаются... Вдругъ коренная вырвалась изъ хомута и помчалась въ степь, съ быстротою стрѣлы. Казаки бросаются за нею—куда! Только полоса пыли обозначила слѣдъ бѣгляки. Поневоѣ приходится еще ждать, или пробавляться чаемъ.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ говоритъ, что дорога чрезъ степь, и чрезъ Кара-Кумъ въ особенности, приучаетъ къ терпѣнію. Если это въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо, за то чрезъ-чуръ строго, потому что, при сорока градусномъ жарѣ, когда тѣло буквально сочится потомъ, подобные уроки терпѣнія не всякому понравятся.

Почта отходитъ изъ Оркса три раза въ мѣсяцъ, а именно: 7 и 27 чиселъ. Обратная почта изъ форта № 1 зависитъ отъ прихода почты изъ форта Перовскаго. Денежная корреспонденція не принимается, но деньги трансферируются посредствомъ квитанцій, чрезъ интендантское вѣдомство. Всякій разъ, когда отправляютъ въ Туркестанскую область звонкую монету, назначается надежный конвой. Экстренныя извѣстія (депешы) посылаются *по летучкѣ*, т. е. съ верховымъ казакомъ.

Миновавъ озеро Камышлы-Башъ, можно уже

считать себя почти въ фортѣ № 1. Окрестность какъ будто веселѣетъ и, за горою Айгерикъ, открываетъ плодородную долину того-же имени.

— Сколько еще верстъ до форта?

— Пятьдесятъ, больше-съ не будетъ...

— Отчего-жъ по маршруту выходитъ семьдесятъ?

— Кто ихъ знаетъ! Говорятъ, что отсюда пятьдесятъ, а, можетъ статься, и больше. Извѣстно, ваше в-діе, прибавляетъ казакъ, степная дорога... Мѣрили ее чортъ да Тарасъ, а веревка промежъ ихъ при эфтомъ оборвались... Ну, значитъ, и вышло, что сколько ни ѣдешь, все кажется, что конца краю нѣтъ.

— Ври больше, замѣчаетъ вполголоса урядникъ и дѣлаетъ остряку понудительную гримасу, чтобы тотъ велъ себя скромнѣе.

Затѣмъ послѣднія 15 верстъ почтоваго тракта пролегаютъ по чрезвычайно низменной мѣстности, пересѣченной многими ирригаціонными канавами. Это—долина низовьевъ Сыра. Встрѣчаются камышъ, колючка, растущая кустами и пр. Вотъ мелькнула вдали мельница... Неужели, въ самомъ дѣлѣ, фортъ? Такъ точно: вотъ и невысокій шпигъ церкви и сплошная сѣроватая масса самыхъ укрѣпленій. Изъ дымовыхъ трубъ крѣпостныхъ строений валитъ дымъ... Слава Богу, добрались до форта № 1!...

М. Михайловъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПИСЕМЪ.

I. Отъѣздъ изъ Самары. Оренбургскій трактъ и его характеристика. Бузулукъ. Первый буранъ. Замѣтки о Бузулукѣ.

II. Продолженіе объ оренбургскомъ трактѣ. Случайныя статистическія свѣдѣнія объ Уѣ. Послѣдній перегонъ до Оренбурга. Почтовая упряжь и бичеванье. Сакмара. Маячная гора. Въѣздъ въ Оренбургъ.

III. Краткій очеркъ Оренбурга. «Hôtel d'Orenbourg». Городскія замѣтки. Климатъ.

IV. Городской центръ Оренбурга. Базаръ. Гостинный дворъ. Толчокъ. Нѣкоторыя особенности въ продажѣ. Характеристика главной улицы. Собраніе и казачій клубъ. Водопроводъ. Александровскія бани.

V. Общественная жизнь въ Оренбургѣ. Лѣтній сезонъ. Оренбургскія дачи и дачники. Заѣзжіе артисты и любительскіе спектакли. Скорость почтоваго и телеграфнаго сообщеній съ Петербургомъ и Москвою. Библіотеки. Книжныя лавки. Что читаетъ Оренбургъ?

VI. Мѣновой дворъ. Картина азіатскаго торговаго моста. Уралъ и зауральская роща. Нѣсколько словъ о пожарѣ 1863 года.

VII. Комитетъ о бѣдныхъ. Участковыя школы, пріюты, при-

зрѣніе убогихъ и леченіе немощныхъ. Размѣры общественно-благотворительности въ цѣрахъ одного изъ послѣднихъ отчетовъ.

VIII. Кладбища. Годовые праздники и высокаторжественные дни. Встрѣча и проводы Чудотворной иконы Табынской Божіей Матери. Военныя празднества. Церемоніаль внесенія ташкентскихъ знаменъ въ одну изъ церквей. Радостная вѣсть о спасеніи жизни Государя Императора 4 апрѣля 1866 года.

IX. Отъ Оренбурга до Троицка. Халатная сторона. Орскъ. Дорога до Верхнеуральска и далѣе. Троицкъ, какъ торговый и промышленный городъ съ его особенностями.

X. Отъ Оренбурга въ фортъ Александровскій. Земля Уральскаго казачьяго войска. Гурьевъ-городокъ. Подробности объ Александровскомъ фортѣ.

XI. Отъ Орска до форта № 1. Степной почтовый трактъ. Степныя укрѣпленія. Пески Кара-Кумъ. Почтовые курьеры въ степи. Скорость почты изъ Оренбурга чрезъ киргизскую степь. Фортъ № 1.